Анастасия Королёва

Хозяйка старой хижины

Анастасия Королева

Хозяйка старой хижины

«Автор»
2026

Королева А.

Хозяйка старой хижины / А. Королева — «Автор», 2026

Спасаясь от прошлого, мы с Элис приехали в маленькую деревушку на краю королевства. Здесь когда-то меня приютила одна старушка и сказала, что если в будущем понадобиться крыша над головой, то я могу смело вернуться к ней.ПонадобиласьНо, приехав сюда, я узнала, что старушка давно умерла, а её старая хижина находится в плачевном состоянии. Опустила ли я руки? А вот и нет. В старой хижине тоже можно жить, стоит только немного привести её в порядок. Да и бороться за лучшую долю в этом суровом мире мне было не впервой. Ничего, мы с Элис обязательно справимся.Ещё бы сосед не донимал нас частыми визитами, тогда бы всё было прекрасно! Но он всё ходит и ходит, а порой смотрит так, будто что-то обо мне знает...

© Королева А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 11
Глава 5 14
Глава 6 17
Глава 7 20
Глава 8 25
Глава 9 28
Глава 10 31
Глава 11 33
Глава 12 35
Глава 13 39
Глава 14 42
Глава 15 46
Глава 16 50
Глава 17 53
Глава 18 56
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Анастасия Королева
Хозяйка старой хижины

Глава 1

Элис устала. Нет, она мне никогда не признается в этом, но я вижу по лицу, что малышка держится на чистом упрямстве. Её движения резкие, взгляд раздражён. Она то и дело заправляет под косынку выбившуюся прядь волос, отряхивает подол грубо пошитого платья от невидимой грязи и дёргает бантики на переднике.

Наконец, спустя ещё десять шагов, она тихо спрашивает:

– Далеко нам ещё идти? – голос спокоен, а улыбка, коснувшаяся губ, доброжелательна. Сторонний наблюдатель ни за что бы не понял, что ещё чуть-чуть и ребёнок взорвётся от злости. Мысленно, конечно. Потому что безупречное воспитание не позволит Элис показать свои истинные эмоции.

– Осталось чуть-чуть, – улыбаюсь ей так же спокойно и дружелюбно. Потому что и из меня, бывшей нищенки, тоже воспитали идеальную леди.

Вокруг тихо. Солнце стоит высоко и тени едва касаются земли. Душно. Хочется пить, а ещё больше хочется уже добраться до места, чтобы наше длительное путешествие, наконец-то, закончилось.

Я не лгу. Нам, действительно, остаётся всего ничего. Подняться на горку, а потом спуститься и будет старенькая хижина Зарины. Она когда-то приютила меня и обогрела. Заменила и мать, и отца, и любимую бабушку. Это место я считала своим настоящим домом и здесь же узнала, что взрослые могут любить тебя, рассказывать вечерами сказки, а когда ты болеешь, сидеть ночи напролёт у кровати и уговаривать потерпеть ещё немного. Сердце замирает от нахлынувших воспоминаний, а на глаза наворачиваются слёзы, но я прогоняю эту слабость.

Я не была здесь целых восемь лет, но помню и дуб этот раскидистый, что раскололо надвое во время разбушевавшейся стихии. И поместье, видневшееся вдалеке. Даже живописные берега мелкой речушки будто бы совсем не изменились. Разве что чуть больше разросся камыш, да ниже склонилась к воде старая ива, роняя плети-ветки в чистую холодную воду.

Хорошо… Так хорошо мне давно не было. И надежда, слабым росткам которой я до последнего запрещаю пускать корни, вдруг вспыхивает в душе, расцветает буйным цветом. Мы смогли… У нас получилось.

Пригорок заканчивается и начинается спуск. Я пытливо всматриваюсь вдаль, ищу заросшую девичьим виноградом крышу и нахожу её. Но радость медленно гаснет, потому что старая хижина выглядит иначе, чем в моих воспоминаниях.

Забор всегда-то был косым и рябым, но небольшой садик перед домом Зарина держит в чистоте. Держала… Не припомню, чтобы среди буйно цветущих растений закрадывались сорняки. Сейчас же вокруг хижины колосился бурьян, достающий мне до пояса.

Мы доходим до покосившегося, а местами и обвалившегося плетня, останавливаемся. Взгляд мечется в поисках хоть каких-то признаков жизни, но я не нахожу их.

– Здесь никого нет? – устало бросает Элис и опускается на колени, прямо на траву. Её не заботит ни то, что она испачкает пусть не дорогое, но добротное платье, и, главное, она не думает о том, что кто-то может увидеть её в минуту слабости.

Признаваться девочке в том, что мой гениальный план оказался провальным, не хочется. Я подхожу к калитке и ободряюще отвечаю ей:

– Не знаю, сейчас посмотрю.

Сорняки цепляются к юбке, хватают за рукава, пытаются дотянуться до туго заплетённой косы. Я упрямо пробираюсь к двери и, вполне ожидаемо, вижу на ней огромный замок. Нет-нет-нет… Только не это…

Если мы с Элис не найдём пристанища здесь, то я и не знаю, куда ещё податься. Денег от продажи драгоценностей не так уж и много. Жить на них в гостинице или на постоялом дворе долго не получится, да и опасно это – наверняка, нас ищут. У Зарины же можно было переждать несколько месяцев, прежде чем попробовать перебраться за границу нашего королевства.

Плотно сжимаю губы и иду к дальней стене. Там есть схрон, где старушка всегда держит ключ. Он и сейчас там, но помимо ключа в нише имеется и письмо, на почерневшем конверте которого выведено корявым почерком: «Для Глории».

Сердце замирает на мгновение, а потом пускается вскачь. Письмо. Для меня.

Зарина писала не так уж плохо, для необразованной селянки. Что немудрено – её муж был магом. Дара слабого, да и ума небольшого, судя по рассказам самой сердобольной старушки, но всем, кто имел хотя бы искру магии полагалось бесплатное обучение. Вот он и научился писать и читать, чему, в свою очередь, научил Зарину.

«Глория, мои дни на исходе. А сердце не на месте. Я пишу тебе, но писем ты не получаешь. Если бы получила, то ответила бы старушке. Верю в это.

Тебе, ежели, пристанище понадобиться, то знай, дом этот я на тебя оформила. Представляешь, чтоб чин по чину, даже в горуд энтот ходила. И подпись на бумажках ставила, как дама знатнову роду. Писчий энтот сказал бумажки для тебя оставить, чтобы на руках всё было. Я и оставила, там, в шкафчике нашем, где серебрушки лежали раньше.

Жаль, что свидеться не получится. Но ты знай, моя хижинка всегда твоим домом будет, сколько бы годков ни минуло».

А внизу приписка совсем уже неразборчивая:

«Зря я отправила тебя с ней. Зря поверила в речи сладкие. Чую я, не так что-то с тобой. Прости меня, дуру старую».

И дата, по которой ясно, что Зарины давно уже нет в живых. Больше года уже. Потому и дом зарос, и…

На потемневшую от времени бумагу падает огромная капля и расплывается тёмным пятном. Только тогда понимаю, что капля эта – моя слеза. Спешно вытираю лицо и зову:

– Элис, иди сюда!

Девчушка пробирается долго, сопит, тихонько охает, но не бранится и не ропщет. А когда доходит до двери, возле которой я дожидаюсь её с проржавевшим ключом в руках, то спрашивает:

– Узнала что-то?

– Да, – улыбаюсь через силу, борясь с муторным чувством вины, что распускает свои корни. – Теперь этот дом наш.

Элис чопорно кивает, будто бы и не рада этой новости, но по глазам я вижу – что малышка счастлива быть здесь, а не в роскошных комнатах огромного особняка. Что же, я понимаю её радость.

Глава 2

Снаружи дом выглядит не так уж плачевно. Крыша цела, да и стёкла на месте. Стены обвил настырный девичий виноград, подобравшись и к двери. Но её он не тронул, обошёл стороной, будто знал, что хижина однажды возродится.

Ключ проворачивается не сразу. Приходится поднатужиться, так что на пальцах остаются отметины, но дверь поддаётся. И мы оказываемся в тёмных сенцах. Здесь земляной пол и тянет сыростью. Лавка у стены, на которой стоит пара пустых деревянных вёдер, да высокая кадушка, куда мы обычно воду натаскивали, для нужд домашних.

За сенцами ещё одна дверь. Она уже без ключа открывается. Справа – маленькая кухонька, слева – кладовая и спуск в подвал, где раньше припасы разные хранились. Если пройти прямо по маленькому коридорчику, то окажешься в горнице, большой и светлой. Есть спаленка, отгороженная цветастой тканью, и ещё одна комнатушка, которую Зарина приспособила под склад разных вещиц. Она любила вязать и пряжи у неё всегда имелось с запасом, а помимо неё и спицы разных размеров, и крючочки, и нитки, и иголки.

Казалось бы, повсюду должно было пахнуть пылью, а нет. В доме чисто и свежо, будто и не пустовал он целый год. Всё благодаря артефактам чистоты, которые изобрёл покойный супруг Зарины. Пусть дар его был не так уж велик, но вот такие вещицы он делал с особым старанием, на совесть. И они, даже после его смерти, продолжали поддерживать чистоту в этом доме. Я хорошо помню, как Зарина, посмеиваясь, хвалилась тем, что она единственная женщина в деревне, которой не нужно спину гнуть, чтобы поддерживать порядок в доме. Были у её мужа и другие артефакты, но этими старушка особо дорожила.

Проходим в горницу и я обвожу комнату взглядом. Кружевные занавески, выкупленные у старьёвщика за сущую мелочь, висят там, где им и положено, пуховый платок, аккуратно расправленный на спинке стула, лоскутное покрывало, которое мы шили вместе… Каждая мелочь напоминает мне о той, которая дарила мне любовь и ласку. О той, которая учила меня всему, что сама умела. О той, с которой я не смогла попрощаться… Мне всё казалось, что Зарина просто вышла из дома ненадолго и вот-вот вернётся.

Моё сердце отказывается принимать настоящее, отказывается верить, что единственного человека, который мне был близок, кроме Элис, больше нет в живых.

– Глория? – девочка будто чувствует насколько мне тяжело. Подходит близко, заглядывает в глаза и осторожно берёт за руку.

И я понимаю, что стою вот так, посреди комнаты, слишком долго. Что совсем позабыла о той, за которую теперь отвечаю.

Нахожу в себе силы и улыбаюсь:

– Всё хорошо.

Я почти не лгу. Несмотря на боль от потери, у нас всё хорошо. И сейчас и будет после. Главное дождаться, когда наши поиски немного утихнуть и тогда… Впрочем, эти рассуждения стоит пока отложить. Чтобы потом не разочароваться.

Мы возвращаемся в кухню, где на столе аккуратной стопкой составлены тарелки, укрытые белоснежным полотенцем.

– И что нам делать? – спрашивает девочка, присаживаясь на край табурета.

Распахиваю окно, впуская свежий воздух и стрёкот надоедливых кузнечиков. А ещё солнечные лучи, что с радостью касаются и узенького подоконника, и трепещущих занавесок, и поблёскивающих чистыми боками тарелок.

– Нужно поесть и отдохнуть, а там решим, за что первым браться, – отвечаю просто, пожимая плечами.

Действительно, что планы строить? Мы добирались сюда десять дней, нам нужен отдых. Полноценный, а не урывками.

Из съестного у нас остались пирожки с капустой и небольшой кусочек копчёного мяса. Хотела на последней станции купить чего-то впрок, но решила, что здесь, в ближайшей деревушке, смогу отовариться не хуже.

Элис упрямо борется со сном. Она трёт глаза кулачками, украдкой щиплет уши.

– Пойдём, – говорю ей, убрав крошки со стола.

Мы подходим к заправленной кровати, на которой расстелено чистое бельё, скрипучее и удивительно пахнущее морозом. Элис с трудом снимает платьишко и остаётся в тонкой сорочке. Она сшита из дорогой ткани, в отличие от той одежды, что мы купили в простенькой лавке, а всё потому, что девочка не смогла от неё отказаться.

Уже засыпая, Элис бормочет едва слышно:

– Ты не уйдёшь, Глория?

– Не уйду, – признаюсь с улыбкой и нежно провожу по её светленьким волосам. Она едва заметно морщится, но потом сон забирает малышку в свои объятья. Она очень устала.

Глава 3

Я не присаживаюсь ни в горнице, ни в кухне. Выхожу за дверь и прижимаюсь к стене. Как бы мне хотелось прилечь рядом с Элис и провалиться в желанное марево сна. Но прежде мне стоило осмотреть более детально.

Того запаса, что у нас есть, едва ли хватит на ещё один день. А девочка растёт и ей нужно хорошо питаться. За себя я не волнуюсь – терпеть чувство голода мне привычно. Но Элис же другая.

Я долго стою, рассматривая заросли перед собой. Зарина так любила свой уютный садик, свои необъятные кусты роз и прочие цветы, коих насчитывалось с два десятка. Сейчас же от них ничего не осталось, сор всё забил, не пощадив ни кустика. И ведь старушка печалилась, что у муженька не хватило знаний сделать артефакт от сорняков, а так бы и вовсе была красота.

Но даже так, с перекошенной плетью и бурьяном мне по пояс, здесь хорошо. Дышится иначе – свободнее, легче…

Возвращаюсь в дом тихо, боясь разбудить Элис. Но девочка спит, сжавшись в комочек, и не слышит ни моих шагов, ни того, как я подхватываю сумки с нашими вещами и выхожу на улицу. За время пути толком постирать ничего не получалось, теперь вот стоит перебрать всё и разложить в разные стопки, чтобы потом вместе с Элис сходить к реке и постирать всё.

После этого я иду в кладовку. Тщательно осматриваю всё, что есть на полках. Они почти пусты, но мне удаётся достать несколько ящичков, а в них с десяток пригоршней острого перца, маленькие цветы гвоздики, жестяная банка с сушёным чесноком и ароматные листья, которые Зарина добавляла к зимним заготовкам. В углу кадушка с солью. Сколько в ней веса я вот так, навскидку, и не скажу, но прилично. Нам хватит.

Спускаюсь в подвал. Здесь сухо и прохладно, опять же благодаря артефакту.

Пустые банки прикрыты холщёвыми тряпками, плетёные корзины составлены одна на другую. Помню, сколько заготовок мы обычно делали, если придётся здесь задержаться, то и Элис научу соленья разные делать. Может эти знания и не пригодятся ей в жизни, но лишними точно не будут.

После подвала выхожу на улицу. Долго смотрю на бурьян, что шуршит от лёгкого ветра и иду вперёд. Где-то здесь должны быть кусты роз, которые Зарина особенно любила. Но дойти до предположительного места их произрастания не успеваю. Толстые стебли репейника раздвигаются и оттуда выглядывает покатая голова с длинными, обвисшими ушами. Широко открывает рот и выдаёт громогласно:

– М-м-е-е-е-е!

От неожиданности что встречи, что голоса этого, я отступаю назад, спотыкаюсь и, потеряв равновесие, падаю назад, знатно приложившись мягким местом о землю. Коза, как мне кажется, довольно кивает и отступает, прячась в непрополотых зарослях.

Вот ведь, скотинка!

– И чего ты здесь забыла? – бормочу, с кряхтением поднимаясь на ноги. Но мне никто, конечно же, не отвечает. И хорошо. Не хватало ещё такого счастья.

Осматриваюсь. Вокруг спокойно, тихо, будто рогатая нахалка мне вовсе померещилась. Даже ветер и тот притаился – ни один листочек на дереве не шевелится. Постояв так ещё недолго, иду к зарослям и добираюсь-таки до хиленького куста роз, единственного, который выжили. Но и он на последнем издыхании – веточки тонкие, слабенькие и на них всего-то с пяток пожухших листьев.

Аккуратно провожу кончиками пальцев по листьям этим, потом сердито хмурюсь и берусь за мясистый куст репейника, что облюбовал себе место рядом с розой. Силюсь вырвать,

но куда там. Отвыкла от сельской жизни, изнежилась, потеряла былую хватку. Ничего, справлюсь.

Решительно выпрямляюсь и иду к сарайчику, что пристроен сбоку от дома. Точно помню, что там Зарина хранила садовый инвентарь. И не ошибаюсь – нахожу и штыковую лопату и тяпку с удобным черенком точно под мой рост. Беру и то, и другое, точно не зная, что поможет избавиться от разросшихся сорняков. Только выхожу из сарая, иду обратно к несчастному кусту, как меня сзади чувствительно толкают и я теперь лечу уже вперёд. Выставляю ладони, чтобы не уткнуться носом в землю и слышу заливистое:

– Ме-ме-ме! – и в голосе этом столько яда, что я не выдерживаю и ругаюсь так, как точно не положено выражаться благородной леди. Благо, что ни благородной, ни леди я больше не являюсь.

– Я тебе сейчас! – вскакиваю и хватаю хворостинку, что так удачно подворачивается под руку. Черенок тяпки был бы вернее, но его не беру в виду своего человеко да и животнолюбия.

Коза смотрит на меня с ехидством и даёт стрекоча раньше, чем я успеваю замахнуться. Не знаю, что на меня нашло, но я несусь за ней перепрыгивая через поваленное бревно, через опрокинутое корыто, что подгнило с одной стороны, через трухлявые дрова на заднем дворе. Животинка всё это время весело подскакивает, взбрыкивая задними копытами и мекает, оглашая пространство дребезжащим голоском.

Наконец, я останавливаюсь. Дышу шумно, отираю потное лицо, заодно заправляя растрепавшиеся волосы. Коза тоже останавливается. Смотрит на меня с насмешкой и выдаёт ёмкое:

– Ме-е-е!

– Шла бы ты отсюда, – бурчу обиженно и бросаю хворостинку, которую всё ещё для чего-то сжимаю в ладони.

Коза трясёт головой, так что куцая бородка качается в такт её движениям.

– Не хочешь? – бросаю не без удивления. Дожили. Уже с животинками разговариваю. Похоже, нужно было прилечь вместе с Элис – видимо, от усталости мне уже всякое мерещится.

Стоило вспомнить про девочку, как она тут же появляется за домом. Элис внимательно смотрит на меня, потом на козу, и при виде последней на её губах появляется робкая улыбка.

Животинка издаёт какой-то невнятный звук и срывается с места, направляясь в сторону девочки. Конечно же, я не успеваю перехватить её. Подаюсь вперёд, расставляю руки и замираю в этой нелепой позе, глядя на то, как четвероногая зараза на скорости подбегает к Элис, резво останавливается и… Кто бы мог подумать? Трётся о её ноги своими покатыми белыми боками, словно ласковая кошка!

Глава 4

Элис улыбается, не робко, а так, что на щеках появляются премиленькие ямочки. Потом вовсе заливисто смеётся и опускается на колени рядом с животинкой, чтобы обнять её. Маленькую леди не волнует ни то, что подол платья испачкается, ни то, что от животного пахнет… животным, а не фиалками.

Удивительное дело, но коза принимает её ласку с охотой, стоит, не шевелится. И лишь тихонько приговаривает:

– Ме-ме-ме, – будто бы жалуется девочке на всю свою жизнь разом.

И, позвольте спросить, чем ей так не угодила я, что мне, вместо ласки, досталось рогами по мягкому месту?

Элис с неохотой поднимается, ещё раз проводит рукой между рогов и поворачивается ко мне.

– Мы же её оставим, Глория?

Оставим? Вот это исчадие бездны?

Хочу уже отказать, но коза выступает вперёд и угрожающе выкрикивает:

– М-м-м-е-е-е!

Я замираю и рот закрываю. А потом растерянно произношу:

– Элис, она же, наверняка, чья-то, мы не может вот так просто её оставить.

Животинка сдвигает брови и явно хочет возразить, но растерянно оглядывается на ту, которую выбрала своей хозяйкой. И тянет уже без былой агрессии:

– Ме-е-е…

Элис вспыхивает. Не припомню за ней, чтобы она за кого-то вступалась. Девочка всегда была послушна, идеальна даже до зубовного скрежета. А тут на щеках появляется лихорадочный румянец и голос звучит неожиданно упрямо:

– Мы оставим её тут!

Я теряюсь сильнее. Стою и не зная, что сказать. Лишь перевожу взгляд с козы, на Элис и обратно. Наконец, нахожу в себе силы снова пояснить:

– Мы не можем оставить её просто так, нас обвинят в воровстве.

Кажется, этот очевидный факт вовсе не беспокоил малышку до того, пока я о нём не упомянула. Румянец пропадает с её лица, сделав кожу ужасно бледной. И блеск из глаз исчезает. Она резко отворачивается, пытаясь скрыть слёзы, что заволокли взор и я сдаюсь:

– Элис, пусть… – запинаюсь, боясь поверить в то, что говорю это, – путь пока останется. Но если за ней кто-то придёт, то нам нужно будет её вернуть.

Девочка оборачивается не сразу. Ещё несколько мгновений стоит ко мне спиной, а потом подбегает быстро и обнимает крепко, чтобы тут же отступить назад.

– Спасибо, – шепчет она.

А я, испытывая странные чувства, что сдавили грудь, выдавливаю с улыбкой:

– Брось, не за что меня благодарить.

Оставшийся день я кружусь по дому. Точнее не по дому даже, а возле него. Мы идём с Элис к реке и я стираю наши вещи. Малышка порывается мне помочь, но я мягко возражаю – кусок мыла, которое мы нашли в закромах Зарины, и пахнет резковато, и свойство имеет премерзкое – делают кожу на руках грубой, а вкупе с холодной водой так и вовсе та потрескается. У Элис кожа на ладонях нежная, мягкая, и мне совсем не хочется, чтобы она испортила её.

Но пришлось дать обещание, что как только мы немного обживёмся и приобретём хорошие средства для стирки, то я её научу.

Речка протекает на задах, а рядом с ней был некогда образцовый огородик, от которого тоже ничего не осталось. Всё поросло бурьяном и только пяток кряжистых яблонь да пару

вишен, что растут у самого берега, по-прежнему могут похвастаться мелкими зелёными плодами. Лето только вступило в свои права, так что Элис сможет попробовать настоящую вишню и яблоки настоящие, а не те, что выращивают в столице при помощи магии.

От Элис теперь ни на шаг не отходит её новая питомица. Коза, прозванная с лёгкой руки девочки Белянкой, мотается за ней хвостиком. И в дом заходит, пихая свой нос во все шкафчики и миски, что попадаются на её пути. Я пытаюсь запретить ей топтаться по полу, но куда там, моё слово законом для неё не является. И я машу рукой.

До сорняков мы так больше и не добираемся. Силы иссякают. Ужинаем теми крохами, что остались. Элис подкармливает украдкой Белянку кусочками хлеба. Та не отказывается, принимает и косит на меня хитрым глазом, будто проверяя, устрою я ей взбучку или нет.

Не устроила. Я устала, настолько, что с трудом уже переставляю ноги, когда день сменяется серыми сумерками. И укладываюсь на наспех сооружённой кровати из пары огромных сундуков. Кровать я оставила для малышки, вдвоём на ней спать не удобно, а выгонять её на жёсткие доски мне не позволит совесть.

Козу оставили в сенцах, не хватало ещё утром убирать за ней продукты жизнедеятельности. Элис хмурится, ей дай волю, она бы эту вредину рядом с собой уложила, но перечить мне не решается.

Засыпаем мы быстро. А может это я проваливаюсь в сон, не замечая ничего вокруг. Завтра будет новый день и новые силы, чтобы обустроить наше новое жилище.

Вот только отдохнуть у меня не получается. Среди ночи меня будит тихий плач и я подрываюсь, чтобы подбежать к Элис.

Малышка свернулась калачиком, укрывшись одеялом. Она плачет, едва слышно всхлипывая, но я знаю, что если её не успокоить, то тихий плач перейдёт в истерику.

Выпутывать из одеяла её не берусь. Лишь сажусь на край кровати и осторожно касаюсь вздрагивающего комочка. Элис затихает, молчит с минуту, а потом глухо спрашивает:

– Я опять тебя разбудила?

Печально улыбаюсь, и не важно, что девочка этой улыбки не увидит:

– Ничего страшного, – говорю тихим, но бодрым голосом. Да, мне дико хочется спать, но я ни за что не оставлю Элис в такую минуту. – Тебе снова что-то приснилось?

Отвечать малышка не торопится, но всё же сдаётся. Она сначала откидывает одеяло, представ передо мной эдаким растрёпышем, потом долго смотрит блестящими от слёз глазами, и, наконец, признаётся:

– Мама… – и без того севший голос вовсе срывается, а выдержка, та самая, которой Элис всегда так гордится, даёт слабину. Она всхлипывает, закрывает лицо руками и я подхватываю её, прижимая крепко и пытаясь этими нехитрыми объятьями забрать себе хотя бы часть её страданий. Я понимаю, что только время приглушит боль, но ничто не излечит её до конца.

– Я с тобой,– шепчу в лохматую макушку. – Я всегда буду с тобой. Не плачь, милая. Мы обязательно справимся со всеми трудностями.

Но слова не утешают. Наоборот, заставляют её заплакать ещё громче, безнадёжнее. Среди всхлипов я различаю бессвязные фразы:

– Мама тоже… а теперь… как я без неё?

Да, я знаю, Эмили обещала дочери, что никогда её не оставит, но… У судьбы-злодейки иные планы. Мне нужно было бы многое ей сказать, впрочем, мы уже ни раз разговаривали на эту тему. И Элис будто бы верит мне, а с приходом ночи напрочь всё забывает.

За спиной слышатся тихие шаги, но испугаться я не успеваю. Только поворачиваю голову и вижу белое пятно на фоне тёмной комнаты. Не знаю, как эта рогатая упрямица смогла открыть дверь, которую я плотно прикрыла, но факт остаётся фактом – Белянка здесь.

Она смотрит сочувствующим взглядом на Элис, что сотрясается от рыданий в моих руках, потом подходит ближе и несильно бодает девочку в спину, чтобы та обратила на неё внимание. Малышка затихает, задерживает дыхание, а я шепчу:

– Смотри, даже Белянка пришла тебя утешить.

Элис немного отстраняется от меня, тянет тонкую ручку к рогатой макушке и гладит её. Коза же, словно настоящая кошка, принимается покряхтывать, заменяя странными звуками привычное мурчание.

Слёзы малышка больше не льёт. Устраивается удобнее у меня на руках и тихонько поглаживает Белянку. Та стоит смирно, будто боится, что Элис снова начнёт плакать. Вскоре ладошка девочки замедляется, а потом вовсе замирает. Она засыпает, утомлённая что путешествием долгим, что трудовым днём, что слезами.

Я аккуратно укладываю её на подушку, накрываю одеялом и поднимаюсь с кровати. Та скрипит и я замираю в полусогнутой позе. Но Элис на громкий звук никак не реагирует, продолжая мирно спать.

Коза, будь она неладна, уходить не торопится. Стоит у изголовья и смотрит с поистине материнской нежностью на спящую девочку.

– Ладно, – шепчу, сдаваясь, – оставайся рядом с ней. Но если нагадишь, будешь вовсе на улице спать, не в сенцах даже. Поняла?

Нежность из глаз Белянки пропадает и она окидывает меня презрительным взглядом, мол, за кого ты меня принимаешь, человечешка бестолковая? Я не сдаюсь, грожу ей пальцем и иду к своей лежанке.

Спать. Теперь можно спать. Надеюсь, это вредное рогатое создание сможет уберечь сон Элис от горьких переживаний.

Глава 5

Просыпаюсь от неясного бормотания и странного цокота. За ними в поверхностный уже сон врывается звон посуды и растерянное «ой». Открываю глаза и вижу над собой низенький потолок, побелка на котором свежа и чиста, будто только вчера нанесённая. А ещё мелкую вязь трещинок, что тянется от края до края комнаты.

Удивительно, но я чувствую себя отдохнувшей. Сила разливается по телу, требуя уже подняться. Вновь шорох, звон и осуждающее:

– Ме-е-е, – тоже тихое, будто рогатая животинка боится разбудить меня своим голосом.

Ей отвечает Элис:

– Я стараюсь, – и в двух словах этих столько беспомощности и растерянности, что я поднимаюсь.

Откидываю одеяло, которым совершенно точно ночью была накрыта девочка. Улыбаюсь и опускаю ноги на пол. Потягиваюсь до хруста и спешно накидываю простую рубашку и юбку, тоже простую. Одежда наша сшита из дешёвого, но добротного сукна. Слишком грубого и не очень-то красивого, но… Кто выбирает красоту, когда на кону стоит свобода? Вот и мы не выбрали, решив, что ничего-то зазорного нет ни в льняном полотне, ни в хлопковом. Струящийся шёлк не так уж и приятен, когда в довесок к нему идёт золотая клетка.

Осторожно ступаю по полу, стараясь не издавать лишних звуков. А на кухне застаю занимательную картину – Элис, с вездесущей Белянкой, пытается соорудить подобие бутерброда. Хлеб ещё вчера был чёрствым, да и ломтики копчёного мяса обветрило, но малышка старается. Она режет мясо, высунув язык, а вместо ровненьких кусочков у неё выходят кособокие шматки, которые и на бутерброд положить стыдно. Во всяком случае, так считает коза, недовольно качая головой и выдавая своё излюбленное и осуждающее:

– Ме-е-е!

– Доброе утро! – прерываю их стряпню.

Элис ойкает и оборачивается, глядя на меня широко распахнутыми глазами. Румянец споро расползается по её лицу и она бормочет виновато:

– Прости, Глория, мы тебя разбудили?

Уже «мы». Быстро же они сдружились. Что немудрено – у Элис никогда-то не было настоящих друзей. Да и фальшивые отсутствовали. Ведь идеальная леди должна быть недоступной загадкой… Мысленно содрогнулась, вспомнив что фразу эту, что голос, её говоривший. Девочке же ответила:

– Я выспалась, пожалуй, впервые за последние десять дней, – признание даётся легко. И Элис несмело улыбается в ответ. – Что тут у вас?

Деловито подхожу к столу и осматриваю фронт работ. Малышка же спешно кладёт нож и руки за спину прячет, будто боится признаться, что всё это она сотворила. Ещё и шаг назад делает. Э-э-э, нет, так дело не пойдёт

– Хочешь, я научу тебя? – спрашиваю с улыбкой.

Коза, что удивительно, инициативу мою поощряет – подталкивает Элис к исходной позиции, ещё и наставления выдаёт:

– Ме-ме-ме!

И я показываю малышке, как держать мясо, под каким углом ставить нож, чтобы кусочки выходили тоненькие и ровные. Конечно, у Элис не сразу получается, но… Я не ставлю задачу, научить её всему. Пусть она примет и тот факт, что не всё должно получатся идеально.

Бутерброды готовы, и мы с малышкой идём к речке, где умываемся и приводим себя в порядок. Холодная вода бодрит, прогоняя сонливость и ленивую негу. А солнышко, весело

играющее что с водной рябью, что с шелестящей листвой, так и вовсе наполняет душу настоящей радостью.

По пути срываю несколько веточек мелисы, что разрослась огромным кустом, выбравшись из огороженного для неё пятачка. Растираю один листочек и даю понюхать Элис:

– Вку-у-усно, – тянет она, прикрыв глаза.

Я с ней согласна. Вкусно. И ничуть не хуже чёрного чая, который не так давно вошёл в моду среди аристократов.

Покончив с завтраком, я поправляю юбку и обращаюсь к малышке:

– Нам нужно сходить на рынок, тут недалеко. Ты всё помнишь?

Девочка хмурится и без запинки отвечает:

– Конечно. Я не должна никуда от тебя отходить, не должна разговаривать с незнакомцами. А если кто и спросит, говорить, что ты моя мама.

Звучит… Неприятно. И дело вовсе не в том, что я имела что-то против статуса «мамы». Мне было неприятно от того, что я вновь загоняла Элис в рамки, теперь уже насквозь пропитанные ложью. Но другого выхода у нас нет.

Дом я закрываю и ключ беру с собой. А вот козу на рынок я брать не планировала, вот только кто из этих двоих заговорщиц собирался считаться с моим мнением? Правильно, никто. Поэтому из закутка, где и располагался дом Зарины, мы выходим развесёлой компанией – я, Элис и коза.

В деревне этой была одна улица – широкая, утоптанная что ногами жителей, что скотом, что повозками. По ней мы и идём. Элис смотрит по сторонам, но делает это украдкой, чтобы никто-то её интереса не заметил. Но замечать некому. Улица подозрительно пуста и не видно ни людей, ни кур вездесущих, ни прочей живности.

Впрочем, подходя к рыночной площади, что располагается аккурат в центе деревеньки, мы слышим гомон голосов. Одни кричат громче, другие тише, но при этом все – очень-таки возмущённо.

Останавливаюсь, испугавшись сама не знаю чего. И за рукав платья хватаю Элис, чтобы и она остановилась. Но девочка никуда и не спешит – быстро прячется за мою спину и вцепляется ручками в рубашку. Коза и та замирает, и оглядывается на нас, будто совета спрашивает, что ей делать дальше.

Если бы я знала… Мне все дни казалось, что стоит нам оказаться в богами забытой деревне, на окраине королевства, как все кошмары закончатся. Не нужно будет думать о том, что кто-то идёт по нашему следу, и оглядываться здесь без надобности. В моих воспоминаниях был идеальный садик перед домом и улыбающееся лицо Зарины, которая протягивала мне на морщинистой ладони яблоко, величиной едва ли ни с мою голову. И люди, что жили в деревне, представлялись мне теми, кому нет дела ни до пришлой девахи, ни до девочки, рядом с ней. Нет, любопытство взяло бы верх, вот только узнавать о нашем прошлом, вот так, чтобы всерьёз, никто бы ни стал. Поговорили бы и отстали.

Теперь же, сборище это… По какому поводу? И так ли безопасно показываться нам на глаза?

Долетает недовольное:

– Вот ещё! И так обираете нас до нитки!

И всё стихает. Даже ветер, едва трепавший туго заплетённую косу, и тот замирает, боясь разогнать горячий от солнечных лучей воздух.

– А ты не перечь мне, – писклявый голос роняет ответ и толпа, молчавшая вроде бы, вновь взрывается криками, свистом и осязаемым недовольством. Их перекрикивает грозное:
– Цыц! Молчать я сказал! У меня приказ…

Визгливый голос тонет в волне гомона. И я уже решаю развернуться и бежать обратно, в объятья старого дома, как за спиной раздаётся спокойный мужской голос:

– Да вы не бойтесь, они сейчас поголосят и разойдутся.

Оборачиваюсь и встаю стеной между незнакомцем и Элис так быстро, что меня слегка ведёт в сторону. Да и взгляд сфокусировать получается не сразу. Потом вижу перед собой мужчину. Высокого, плечистого, внушающего одной своей массивной фигурой страх. Но глаза у него ясные, как летнее небо, и улыбка мягкая, располагающая, что никак не сочетается с внешностью. Молчу оттого, что слов подходящих не находится. Но на выручку мне приходит всё та же рогатая проказница. Она делает шаг вперёд, теперь уже меня собой закрывая, и возглашает высокомерно:

– Ме-е-е!

При виде козы, незнакомец хмурится и раздражённо ведёт плечами. А потом спрашивает:

– Ты-то, зараза упрямая, откуда здесь взялась?

Глава 6

С характеристикой, которой мужчина наградил нашу рогатую сопровождающую, я мысленно соглашаюсь. А потом спрашиваю, потому что понимаю, что Белянка в принципе ответить на вопрос не может, даже если очень захочет, да и узнать мне нужно:

– Простите, а вы не скажете, что здесь происходит?

Голоса за спиной то затихают, то вновь набирают силу.

Незнакомец перестаёт сверлить недовольным взглядом животинку и хмуро бросает:

– Отчего не сказать? Скажу. Наместник опять налоги новые ввёл, вот народ и взбеленился. Вы не бойтесь, минут через пяток всё стихнет и сможете купить, что вам надо.

Он замолкает, вновь смотрит на козу и спрашивает:

– Позвольте спросить, а эта бестолочь как к вам прибилась?

Белянке такое обращение приходится не по душе, и она наглядно решает показать, что никто-то не имеет права называть его всякими непотребными словами. Выступает вперёд, опускает голову и угрожающе идёт на незнакомца. Тот, судя по кислой улыбке, вовсе её не боится, но и связываться не желает – себе дороже.

Неожиданно Элис выбегает из-за моей спины, встаёт перед своей подругой и произносит со злостью:

– Она не бестолочь! Она хорошая!

Нет, то ли дело в деревенском воздухе, то ли в животинке этой, но девочка ведёт себя иначе. Никогда на моей памяти она не смела никому перечить, и уж тем более говорить вот так, со злостью. Элис воспитывали, как истинную леди, и ей она и была. До последнего времени…

Удивительно, но мужчину такое заступничество веселит. Он перестаёт хмуриться, улыбается, широко, по-доброму, от чего лучики морщинок собираются у глаз, и присаживается, чтобы оказаться на одном уровне с собеседницей. А потом говорит, кивая на притихшую козу:

– Хорошая, конечно, но упрямая, страсть, постоянно сбегает.

Элис тушуется, оглядывается на меня. Я вижу, как она краснеет, а потом тихо, так что я с трудом её слышу, спрашивает:

– Так она ваша?

Мужчина кивает и признаётся:

– Моя, но от неё больше вреда, чем пользы, поэтому я не очень-то её искал. Захочет – сама придёт.

За спиной затихают возмущённые голоса.

– Я же говорил, – незнакомец поднимается, подмигивает мне, от чего уже я едва не краснею, и спрашивает: – А вы чьи будете? Или проездом?

Вопрос закономерен. И прост. Но я не сразу нахожусь, что сказать, и, кажется, краснею всё же. Но не от стыда, а от страха. Не знала, что и такое возможно. Зачем-то поправляю растрепавшиеся волосы, будто жест этот может подарить толику уверенности, а потом говорю, сбиваясь и заикаясь:

– Я… племянница… Зарины. Мы с дочерью приехали к ней, и…

Улыбаться незнакомец перестаёт. Глаза заволакивает льдом, который он и не думает скрывать:

– Не та ли племянницу, которую она ждала-ждала, да так и не дождалась? – в его словах пренебрежение и какая-то брезгливость даже. И я чувствую себя виноватой, хотя ничего не могла сделать. И вины моей здесь нет. И… Я сожалею, что не успела.

– Та, – роняю тихо, но взгляд не опускаю. Зарина знала, что если бы я могла, я бы приехала. Так сложились обстоятельства. А остальным знать не нужно. И осуждения я не потерплю.

– М-м-м, – мужчина кивает, да так снисходительно, что теперь уже я вспыхиваю от злости. Но гашу её быстро, потому что… Давно не маленькая, чтобы поддаваться эмоциям. И… да, у меня были идеальные учителя. Страшно идеальные.

– Простите, – выпрямляю спину, чуть приподнимаю голову. – Нам пора.

Элис понимает меня без слов. Подходит быстро и хватается за мою руку своей ледяной ладошкой. Ничего. Всё хорошо. Нам бы только провианта закупить, да домой вернуться.

Белянка за нами не идёт. И я не знаю, тому виной хозяин, который её уводит, или упрямица попросту не жалует людные места.

Нас замечают. Оглядываются. Показывают пальцем, не стесняясь, вовсе не заботясь о приличиях. И малышка жмётся ко мне ближе, будто боится, что любопытствующие вдруг накинуться на нас. Я и сама трушу, но коротенькая перепалка с незнакомцем придаёт уверенности, которая всё ещё бродит в крови.

Мы подходим к первой лавке, где на широкой скамье выставлены холщёвые мешки с крупами и мукой. Я смотрю на товар, принюхиваюсь, чтобы плесенью не несло, и спрашиваю коренастого мужчину с изъеденными сединой волосами, что разглядывает меня с любопытством:

– Добрый день! Сколько у вас мешок муки стоит?

Мужчина оживает, подходит к нам ближе. Походка у него странная, будто бы он на коне верхом всю жизнь катался, и вот сегодня, совершенно случайно ногами земли коснулся. Да и наряд непривычный – кафтан ярко-зелёный, а под ним шаровары жёлтые. И шапочка на голове маленькая, остроконечная, что лишь каким-то чудом держится на макушке.

Прежде чем ответить, смотрит на меня оценивающе, будто прикидывая – любопытства ради интересуюсь или и впрямь купить чего хочу. Потом его взгляд падает на поясную сумку, что слегка топорщится от монет и улыбается заискивающе:

– Тебе за серебрушку отдам, красавица.

Хочется скривиться от такого обращения, но я удерживаю вежливую полуулыбку:

– Серебрушку – это за какую? – поочерёдно показываю сначала на ржаную, потом на пшеничную. – За эту, или эту?

Он смеётся и смех его резок:

– Кто ж тебе за серебрушку белую продаст?

Хмурюсь и делаю шаг в сторону. Потому что перед тем, как в деревне оказаться, мы не одну станцию проехали. Где и рынки встречались, и ярмарки. С ценой я загодя ознакомилась, чтобы вот так, не попасть впросак. Да и не было у меня столько денег, чтобы с лёгкостью ими направо и налево разбрасываться.

– Спасибо, – бросаю вежливо и уже собираюсь идти дальше, как мужчина с неожиданной прытью оказывается рядом и за руку меня хватает. Чужой запах окутывает, словно покрывало, наваливается, мешает мыслить здраво. А горячие пальцы кажутся липкими от пота… Я дёргаюсь и чувствую страх, что расползается по телу.

– Куда же ты, красавица, – он дышит на меня, намеренно подступая ближе. – Можно же поторговаться.

Я знаю, что мужчинам нравится выглядеть устрашающе, да и чтобы женщины признавали за ними силу. И я бы подчинилась этому извечному течению жизни, но… Не сегодня и не перед ним.

Запираю страх под пудовым замком, окидываю продавца холодным взглядом, так что он стирает с лица едкую ухмылку.

– Отпустите, – произношу тихо, но это не просьба вовсе, а приказ.

Он не сразу решается разжать потные пальцы, медлит, будто проверяя меня на прочность. Но я жду и всем своим видом даю понять, что уступать ему не намерена.

– Хамай, тебе же сказали отпустить, – за спиной раздаётся уже знакомый мне голос и я оборачиваюсь. Смотрю на мужчину и на Белянку, что стоит за ним с таким победным видом, будто бы это она привела сюда своего хозяина, и она же потребовала вступиться за нас.

Продавец дёргается и разжимает наконец пальцы, чем я тут же пользуюсь – прячу руку за спину, второй же чуть сильнее сжимаю ставшую ледяной ладошку Элис. Мне кажется, малышка все эти короткие мгновения вовсе не дышит.

Хочется уйти, чтобы никто из присутствующих не понял, что смелость моя тает, испаряется и наружу пробирается всепоглощающий страх. И только мантра, что я мысленно твержу себе, о собственной силе и смелости, спасает. Получается удержать на губах улыбку и не опустить взгляда, когда настоящий хозяин Белянки вопросительно выгибает бровь, будто интересуясь, действительно ли мне нужна его помощь?

Тот, кого он назвал непривычным для меня именем Хамай, кланяется низко, кончиком шляпы едва ли ни земли касаясь, и заискивающе произносит:

– Криспиан, да разве же Хамай обидит красивую девушку? Хамай всего лишь хотел выгодно поторговаться! – под конец фразы в его словах звучит притворное возмущение и капелька обиды, будто бы его оскорбили.

Хамай неприятен. Не столько внешне, сколько самой натурой. Бронзовая, выжженная солнцем кожа, маленькие глазки, что смотрят слишком уж внимательно, и потные руки, прикосновение которых я до сих пор ощущаю. Но с этим можно было бы смириться, а вон гнилое нутро – не прячешь ни под ярким кафтаном, ни под дорогой мантией.

Смотрю на нежданного помощника. Криспиан… Имя ему идёт. Но взгляд, пронизанный холодом, разрушает это очарование. Он усмехается, но улыбка не касается его глаз:

– Не забывай, что девушки, особенно такие, не очень-то любят, когда их хватают за руки.

«Какие – такие?» – хочется спросить, но я молчу. Раздражённо веду плечами и вновь отступаю, чтобы уйти. Белянка спешит следом, пристраиваясь рядом с Элис. Та немного приходит в себя, проводит дрожащей ладошкой по мохнатой морде, бросает взгляд на меня.

– Всё хорошо, – говорю так, чтобы она не почувствовала ложь в этих нехитрых словах. Но Элис хмурится и едва заметно качает головой.

Не хорошо. И я, и она это знаем. Мы сбежали, но страхи остались с нами, и неизвестно сколько пройдёт времени, прежде чем мы научимся справляться с ними.

– Вы когда-нибудь хоть что-то покупали на рынке? – рядом со мной оказывается Криспиан и я вздрагиваю, что не укрывается от внимательного взгляда. Приходится спешно брать себя в руки и вновь надевать маску настоящей леди, что холодна и неприступна.

– Спасибо за помощь, – благодарю, хоть и с опозданием, но чтобы ему не казалось, будто бы я настроена на дальнейшее общение, отрезаю: – Извините, мы торопимся.

Криспиан улыбается. На этот раз по-настоящему, как делал это при первом нашем столкновение.

– Не ершитесь, леди, – усмехается к тому же. – И идите за мной, я помогу вам выбрать хороший товар по сходной цене.

Душевный порыв кажется мне подозрительным, но в игру вступает Белянка. Она подаёт голос, в котором отчётливо слышен призыв, пойти за её хозяином. Интересный расклад – сама его не слушается, а мне советы раздаёт.

Глава 7

На раздумье мне дают не так уж много времени.

– Соглашайтесь, иначе я передумаю, – подначивает Криспиан и я, неожиданно для самой себя, киваю в знак согласия. На что мужчина прячет в уголках губ довольную улыбку. А вот Белянка скрыть своё удовольствие даже не пытается – выходит вперёд и покачивая крепким задом, начинает приговаривать:

– Ме-ме-ме, – будто бы нахваливает саму себя за находчивость.

Я мало что смыслю в мелком рогатом скоте, но этот экземпляр, абсолютно точно, уникален. И не понятно ещё, чем для нас аукнется её уникальность.

Элис смотрит на меня снизу вверх и несмело улыбается, будто бы и она принимает стороны Белянки. Я же вздыхаю и иду за Криспианом. Мужчина смотрит на меня искоса, открывает рот, будто спросить что-то хочет, но… Озвучить так ничего и не решается. Я тоже не спешу заводить беседу.

Мы проходим мимо нескольких бакалейных лавок, куда нас зазывают что дородные женщины, что мужчины им под стать. Благо, никто из них не проявляет такую настойчивость, как Хамай.

Рынок не велик, но всё же приличен. Здесь есть и кибитка, перед которой на треногах развешаны разные ткани да плетёное кружево, лавчонка с разноцветными лентами и деревянными игрушками, телега с пологими бортами, где выставлены глиняные горшки и чугунки от мала до велика. На лотках девиц с зычными голосами теснятся связки бубликов и ароматная сдоба.

А уж стариков и старушек, перед которыми стоят пузатые корзины с овощами и фруктами и вовсе не счесть.

Мы проходим мимо кособокой тележки. На лотках разложены румяные пряники, орехи в меду, тонкие, почти прозрачные кусочки пастилы и леденцы на палочке самых причудливых форм. Леденцы красочны и если смотреть сквозь них, то мир может стать куда ярче и прекраснее. Элис замедляет шаг, поражённая увиденным, но тут же трясёт головой, будто пытается сбросить наваждение. Она вырывается вперёд и тянет меня за собой, спешно сбегая от соблазна. Я же делаю себе заметку, что, как только мы купим всё необходимое, заглянем и сюда.

Наконец, Криспиан останавливается возле очередной телеги и тепло приветствует сухонького старика. Он не высок, лицо испещрено множеством морщин, одежда поношенная, кое-где и вовсе неуклюже залатана. Вот только отторжения его вид не вызывает, наоборот, я, неожиданно для себя, чувствую к нему симпатию.

– Лейф, я тебе покупательницу привёл, – хвалится Криспиан, но так, в шутку. Поэтому я не обижаюсь, а смотрю на товар.

Мешки выставлены ровным рядом, я подхожу к первому из них и внимательно смотрю на пшеничную муку. Помола мелкого и цвет белый, без примесей.

– Добрый день, – не изменяю вежливости, – сколько просите?

Мужчина, которого Криспиан назвал Лейфом, бросает быстрый взгляд на нашего сопровождающего, потом зачем-то на Элис, и отвечает:

– Сорок медяков, – мои брови удивлённо взлетают вверх.

Если Хамай излишне задирает цену, то Лейф явно занижает её.

– Но это мало, – начинаю протестующе, вот только мужчина прерывает меня взмахом морщинистой руки:

– Бросьте, леди, не в монетах же счастье!

«А в их количестве» – заканчиваю мысленно, вслух же ничего не произношу.

В самом деле, мне ли требовать поднять цену? Я, наоборот, должна радоваться, что и делаю.

Помимо муки я покупаю просо, и гречу, и мелко молотую кукурузу, и овса немного. Последнее я беру только ради Белянки, потому что она так смотрит на мешок, что раззявил нутро прямо перед её мордой, и мне совестно становится. Рогатая же в прямом смысле слова расцветает – приподнимает верхнюю губу, показывая белёсые зубы.

Криспиан не отходит от нас, и когда я озадаченно раздумываю о том, как бы мне всё теперь до дома доставить, снова вызывается помочь.

– Об этом не думайте, леди, у меня есть телега, на ней и привезём.

Если поначалу обращение его кажется мне пустяком, то сейчас, когда он, да и Лейф выделяют это «леди», становится неуютно. Хочется возразить, что никакая я не леди, во всяком случае теперь, но… Возражение будет запоздалым и глупым, если уж на то пошло.

За бакалейной лавкой Криспиан ведёт меня к улыбчивой старушке, что торгует овощами и зеленью, затем к другой, у которой я набираю добрую сотню яиц, несколько куриных тушек, приличный кусок телятины и шмат копчёного сала. Последнее я беру, покрываясь краской стыда. Вдруг вспоминаются поучительные слова, что девицам моего положения не пристало питаться плебейской едой. Я добросовестно следовала этому совету, теперь же вольна есть сало с обугленной картошкой, запечённой в костре. И никто-то не может мне этого запретить.

– Ну, пойдём к телеге? – Криспиан обращается не ко мне, а к Элис, которая всё это время молча следует за нами ни жалуясь на усталость. Он прячет руку в карман, а затем извлекает оттуда огромный леденец в виде рогатой козочки. При этом Белянка, поняв намёк, горделиво фыркает и отходит чуть в сторону, будто бы обидевшись.

Когда он только успел купить его? Ведь не отходил от нас ни на шаг.

Глазёнки Элис загораются, она даже делает шаг навстречу вожделенному лакомству, но останавливается. Сжимается. И бросает на меня затравленный взгляд, что тоже не укрывается от Криспиана.

Но ведь это просто леденец, верно? И в том, что он купил его малышке, желая… Что? Расположить к себе? Или просто порадовать? Нет ничего страшного. Наверное.

Мужчина приходит нам на помощь, будто бы прочитав мои мысли:

– Это просто леденец, он вас ни к чему не обязывает.

Мне кажется, или в его тоне звучит обида? Становится совестно и я тихо произношу:

– Спасибо, – а потом добавляю, – но не стоило.

Нет, я ему благодарна за помощь, за заступничество, за леденец этот, но стоит обозначить границы. Чтобы в будущем не возникло никакого недопонимания.

Криспиану мои слова не нравятся. Он кривится, но тут же возвращает улыбку, когда я-таки киваю Элис, давая понять, чтобы она без опаски брала угощение. Девочка медлит, всего мгновение, но протягивает руку и бережно берёт леденец.

Может быть, я и не права, и угощение просто угощением является. Но… Я боюсь верить в людскую доброту.

Солнце поднимается высоко и ветер, напитанный жаром его, легко касается что лица, что открытых рук. Игриво подхватывает подол юбки и тут же отступает, будто смущённый смелостью своей. Душно и хочется укрыться в тени, но площадь обделена. На ней нет ни деревца, так что до телеги, которая и не телега вовсе, а полноценная крытая повозка, мы идём под палящими лучами. Элис украдкой отирает лоб, я же смотрю на спину нашего сопровождающего.

После того, как Криспиан отдал Элис леденец, на нас он больше не смотрит. Шагает размашисто, и ставит ступни так, чтобы бедные камни под ногами разлетались в разные стороны. Спина напряжена и руки сжаты в кулаки. Словом, даёт понять, что мои слова его задели. Стоит извиниться, но я вдруг теряюсь, не зная, как заговорить с ним. Я всегда-то испытывала робость рядом с мужчинами, а сейчас и вовсе нужные слова на ум не приходят.

Все товары, коих набралось прилично, уже загружены. А вот места внутри повозки хватает только для Элис, так что мне приходится сесть рядом с Криспианом на козлах. Лавочка узенькая, да и явно не рассчитана на двоих, но выбора у меня нет. Присаживаюсь с краю, смотрю на Белянку, которой места вовсе не осталось, и вздрагиваю, когда моей руки касается мужская ладонь.

– Двигайтесь ближе, иначе свалитесь, – мужчина смотрит на меня из-под нахмуренных бровей, а рассмотрев что-то в моих глазах, быстро убирает ладонь. Судорожно выдыхаю, только сейчас поняв, что задержала дыхание. – Простите, – Криспиан зачем-то извиняется, я же передёргиваю плечами и нахожу в себе силы сказать:

– Это вы меня простите, – несмотря на внутреннее смятение, голос звучит спокойно. – Я вам очень благодарна за помощь. Ума не приложу, что бы я делала, если бы мне всё это самой пришлось искать и доставлять до дома.

Выдавливаю улыбку и жду реакции, но мужчина медлит, и я продолжаю:

– И за леденец спасибо, я понимаю, что вы хотели сделать дочери приятное.

Когда замолкаю, то вижу, что он улыбается. Едва заметно, но всё же. Криспиан перестаёт хмуриться и легко натягивает поводья, так что чёрная, словно смоль, лошадка, трогает с места. Очень осторожно, будто везёт что-то хрупкое.

– Хорошо, – легко соглашается мужчина. – И вы меня извините, не нужно было мне лезть без вашего ведома, мало ли что…

«Мало ли что» – звучит так многозначительно, и теперь приходит мой черёд хмуриться.

– А вы к нам надолго? – Криспиан спешно меняет тему, и я бросаю взгляд на Элис. Девочка сидит на мягкой подстилке и смотрит по сторонам. Кажется, наш разговор её вовсе не волнует.

Пожимаю плечами и честно отвечаю:

– Пока не знаю.

Я, в самом деле, не знаю, сколько нам придётся здесь прожить. Месяц? Два? Или куда дольше?

Мой ответ не очень-то нравится мужчине. Он хмыкает, как мне кажется, с некоторым недовольством, но потом продолжает:

– Если что-то нужно по дому, я могу помочь.

Что тут сказать, я не представляю, но и кажется, если откажу, то вновь обижу его, потому произношу:

– Спасибо, буду иметь в виду.

Разговор затихает и не ладится больше. И я предпочитаю последовать примеру Элис – смотрю по сторонам.

Деревенька эта, с гордым названием Верхние Почины, не велика. И домишки, в большинстве своём, простенькие, без изысков. Соломенные, реже металлические крыши, кое-где резные узоры на окнах. Когда-то эта деревня казалась мне прекрасной, после же блеска столичных районов, теперь стала для меня обычной. Но в этой обычности её куда больше привлекательности, чем в богатых особняках и аккуратных, почти игрушечных садах перед ними.

Дом Зарины стоит немного на отшибе, в проулке, где сросшиеся верхушки деревьев, образуют арку. И дикие огурцы оплетают её, не давая возможности тонким ветвям устремиться ввысь, к небу. Листва касается крыши повозки, шуршит натужно, то ли пытаясь остановить, то ли, напротив, приветствуя нежданную гостью. Жужжат пчёлы, перелетая с цветка на цветок, и мухи носятся, как заполошные.

Хорошо…

Дом встречает нас тишиной и умиротворением. И я выдыхаю с облегчением. Криспиан же хмурится, осматривая высоченный бурьян. Ему и девичий виноград не нравится, который

почти скрыл собою и стены, и крышу. Но он молчит. Помогает Элис спуститься, берёт первый мешок и подходит к двери, ожидая, когда я её открою.

Спустя четверть часа весь провиант составлен в кладовой, и между нами падает неловкая тишина. Я понимаю, что должна отблагодарить мужчину, и за хлопоты, и за время потраченное, но вновь теряюсь.

Переминаюсь с ноги на ногу, протягиваю несколько монет и произношу:

– Благодарю вас, вы нас очень выручили, – Криспиан смотрит сначала на ладонь мою протянутую, потом в глаза, усмехается без злости.

– Бросьте, леди, вам они ещё пригодятся.

Он прав, конечно же, прав. И ладонь я опускаю, при этом чувствуя, как лицо опаляет жаром стыда. Но зачем-то, вместо слов благодарности, тихо бросаю:

– С чего вы взяли, что я леди?

Вопрос мой его, кажется, совсем не удивляет. Он усмехается, дарит кривенькую ухмылку и не без доли сарказма уточняет:

– Хотите сказать, что я ошибся? – Криспиан приподнимает одну бровь, пронзая меня испытующим взглядом.

И что ответить?

– Нет, – роняю спокойно, стараясь не показать, как разговор этот меня смущает. Хотя жаловаться не на что, сама его начала. – Просто вы несколько раз сделали акцент на моём положении, и мне стало интересно, отчего вы пришли к таким выводам.

В самом деле, интересно. И не только это, но и то, зачем вызвался помочь, хотя после первого нашего знакомства он явно сложил обо мне не лучшее мнение. Теперь же вот носится, и деньги брат отказывается. Мне хочется, очень хочется верить в добро, что ещё существует в этом мире, но… Однажды я поверила, что девчонка-беспризорница может вытащить счастливый билет, и жестоко ошиблась. Повторять собственные ошибки не хочется.

Криспиан меня не мучает:

– Всё куда проще, чем вы думаете, – он отступает в тень, побуждая меня сделать то же самое. – Руки у вас нежные, не натруженные.

И всего-то?

– А ещё, – он чуть подаётся вперёд и я с трудом остаюсь на месте. – Вы держись так, будто металлический прут проглотили. Отличительная черта всех аристократок, манеру держать себя вы впитываете с молоком матери.

Нет, он всё же ошибается. Даже из простолюдинки можно сделать настоящую леди. Только для этого девице положено быть кроткой и благодарной уже за то, что на неё обратили внимание. А ещё послушной, молчаливой, похожей на тень…

Вздрагиваю, пытаясь сбросить навязчивые воспоминания и голос, вбивавший в меня прописные истины. Отступаю на шаг, но так, чтобы Криспиан не подумал, будто я боюсь его:

– Вы весьма наблюдательны.

– Конечно, – улыбается, теперь уже без издёвки. – Знаете, что интересно? – спрашивает неожиданно. Я качаю головой, потому что понятия не имею, что именно могло его заинтересовать.

– То, что вы моё имя знаете, а вот я ваше – нет.

Действительно, упущение.

– Глория, – представляюсь без опаски. – Меня зовут Глория, – повторяю снова.

Мне нравится моё настоящее имя. А то, что я носила последние несколько лет, так и не пришлось по душе.

– Красивое имя, – произносит Криспиан задумчиво. После чего разворачивается и идёт к калитке, на ходу бросая: – До встречи.

И почему он так уверен, что мы увидимся? Но об этом я, конечно же, не спрашиваю, лишь уточняю:

– А вы Белянку не заберёте?

Белобокая нахалка зашла в дом вместе с Элис так, словно это она была здесь хозяйка, и выходить оттуда, ни под каким предлогом не пожелала.

Криспиан не обернулся:

– Если захочет – сама придёт. Пока же вы с ней помучайтесь.

Великодушно, ничего не скажешь.

Глава 8

Элис сидит в доме, у самого окна, и на свет рассматривает хрустальный леденец. Козочка, что была на палочке, имеет вид куда более дружелюбный, чем Белянка. Живая же животинка явно недовольна тем, что малышка уделяет внимание вовсе не ей. Она проходит пару шагов вперёд, возвращается назад, потом вовсе касается лбом бока девочки. Видимо, терпение у козы не безгранично.

Элис оборачивается, смотрит на неё с улыбкой и говорит:

– Ты, конечно же, лучше! – после замечает меня. Улыбка пропадает с её лица: – Он ушёл?

Нет нужды уточнять, про кого она спрашивает.

– Ушёл, – вздыхаю и усаживаюсь на свободный табурет. – Но обещал вернуться… – добавляю зачем-то.

Девочка несмело улыбается:

– Знаешь, а он мне понравился, – признаётся и закусывает губу от смущения. К тому же на её щеках появляется премилейший румянец.

Элис удивительный ребёнок. Несмотря на всё, что ей пришлось пережить, она смогла остаться доброй и отзывчивой. И как показал сегодняшний день, ещё и способной встать на защиту тех, кого считает своими друзьями.

– Будем с тобой готовить обед? – перевожу тему, потому что не знаю, что сказать по поводу Криспиана.

Я споро разделываю куриную тушку, память может и поблёкла, а руки помнят, что и как делать. Остов и крылья отправляю в кастрюлю, где будем варить бульон, окорока и грудку решаю отложить на потом.

На приготовление обеда у нас ушло чуть больше часа, тогда же я поняла, что не учла ещё одну проблему – нам нужны дрова. Те, что имелись у Зарины за домом, под крошечным навесом, буквально превратились в труху, и жара от них было не больше, чем от щепок. Так что, чтобы разжечь хорошее пламя, пришлось скормить печи этих трухляшек целую гору.

Суп вышел на славу. Или же мы просто настолько проголодались? Не знаю. Да и не важно это, на самом-то деле. Главное, что Элис была в безопасности. Будто прочитав мои мысли, она спрашивает:

– Глория, а нас здесь точно не найдут?

Этот вопрос, на который я отвечала, кажется, тысячу раз. И столько же раз я не была уверенна в собственном ответе, но упрямо повторяю:

– Не найдут.

Обо мне настоящей мало кто знал. Мадам, взявшая меня под своё крыло и устроившая мою жизнь, умерла, да и она, уверена, не помнила моего имени. Я его едва успела озвучить, как Жозель сказала, чтобы забыла его, теперь я буду носить имя Лариэна.

Тогда мне показалось это чудесным. Ожившей сказкой. Жаль, что я не сразу поняла, насколько ошиблась.

Привычно отмахиваюсь от неприятных воспоминаний и поднимаюсь из-за стола. В жестяной чашке уже нагрелась вода, чтобы можно было вымыть посуду. Это ответственное дело я доверяю Элис, чему она безмерно рада, судя по искрам в глазах и блаженной улыбке.

Сама иду на улицу, где обматываю руки мягкими тряпицами и возвращаюсь к неустроенному садику. Прополка необходима, да и вид, что открывается прямо от двери, честно сказать, совсем не радует. Опять же розу спасти нужно.

В моей памяти ещё жива та картина, где ровненькие грядки и пушистые кусты с цветами, над которыми кружатся громогласные шмели и скромницы-пчёлы. А ещё одуряющий аромат, что больше никогда мне не встречался. Ни в богатом доме Жозель, где сад по размерам и

количеству редких растений мог конкурировать с королевским, что в самом королевском, где мне тоже однажды довелось побывать.

Здесь, у Зарины, всё было просто, без изысков, но… Я с наслаждением вдыхала и тонкий аромат незабудок, и терпкий низкорослых лилий, и величественный от роз, что всегда стояли особняком, напоминая напыщенных аристократов. Запахи смешивались со свежей выпечкой, которой старушка баловала меня почти каждый день, а ещё с наваристым бульоном, что она готовила из массивных костей. Но большего всего я любила её чай. Его она составляла по своему собственному рецепту, который держала исключительно в голове. Однажды я пыталась разузнать у неё, что именно в этом чае, но Зарина, как оказалось, и сама толком не знала. Она выбирала травы по наитию, или по велению левой пятки, как старушка любила шутить.

Она вообще много говорила, обо всём и сразу. О прошлой жизни, о настоящей, даже о будущей умудрялась словечко замолвить. О планах своих, бесхитростных и добрых, но очень важных. О рассаде и цветах. О яблонях и вишнях, которые стоило бы обновить, но ей было жалко убирать с участка старые. Зарина торопилась, боялась, что я пропаду и она вновь останется одна в этом доме. После смерти мужа местные сочли её сумасшедшей и не очень-то жаловали общением, да и при его жизни терпели её только ради того, чтобы не обижать единственного на всю округу мага. Так и вышло, что я стала её спасением, а она моим.

Я вспоминаю обо всём, вырубая острой лопатой мощные корни тысячелистника и расползшуюся мокрицу, на которой уже появились мелкие белёсые цветочки. Вспоминаю, выбирая из земли ломкие корешки, чтобы сорняки не выросли заново, и пусть от них это вовсе не избавит, но сдержать рост поможет. Вспоминаю и лицо старушки в тот самый день, когда мы с ней прощались. Она, да и я тоже, верила, что милая женщина, пообещавшая мне обучение в пансионе для сирот, с возможностью в будущем получить не только профессию, но и возможность выгодно выйти замуж, говорит правду. О замужестве я не мечтала, а вот получить профессию очень хотелось. И вернуться сюда, чтобы помочь Зарине отстроить оранжерею, о которой она грезила.

Нет, по первой всё было прекрасно. Жозель была добра, мила и очень обходительна. Она уделяла особое внимание воспитание своих подопечных, таких же глупых, доверчивых девочек, как и я. Обещала нам отличные рекомендации, приносила яркие брошюры женских курсов, что по шитью, что по домоуправлению. И мы верили. Заглядывали ей в рот, а в комнатах частенько копировали мадам, подражая ей буквально во всём – в манере говорить, держать чайную чашку, подносить вилку к губам, одаривать прислугу таким взглядом, от которого бедняги тушевались и бросались просить прощения, сами ещё не понимая за что именно. Нам было невдомёк, что бесплатный сыр бывает лишь в мышеловках. И мы ели, пили, одевались, учились. А когда пришла пора, нам объявили, что за всё нужно платить. Особенно за доброту…

Вжик… – громкий звук отвлекает от тягостных дум и я подскакиваю на ноги. Правда, выходит это у меня довольно неуклюже, потому что ноги затекли от неудобной позы, да и в спине что-то подозрительно хрустит.

И снова – вжик!

Оглядываюсь по сторонам и вижу у нашей ограды знакомую уже мужскую фигуру с… чем-то в руках. Он замахивается, резко опускает рукоять и снова слышится вжик. А ещё по округе расползается запах свежескошенной травы. Насыщенный и дурманящий своей свежестью.

Удивлению моему нет предела и я иду к ограде. Подхожу и замираю, потому что в руках Кристиана, в самом деле, коса и он, действительно, уничтожает заросли крапивы и массивных лопухов, что по праву считали эту территорию своей собственностью. Уничтожает методичными движениями, от чего на спине, избавленной от рубашки, бугрятся мышцы и появляются первые капельки пота. Отмахиваюсь от увиденного, и спрашиваю о том, что и без вопроса этого понятно:

– Что вы делаете?

Глава 9

Мужчина останавливается. Оборачивается медленно и смотрит на меня с немалым удивлением. После удивление сменяется насмешливостью и Криспиан уточняет с долей сарказма:

– А на что это похоже?

Я смущаюсь, всего на мгновение, но тут же беру себя в руки и отвечаю:

– Я имею в виду, зачем вы это делаете?

Во взгляде мужчины мелькает раздражение, едва заметное, и тут же растворяется в глубине глаз:

– Вариант, что я просто решил помочь, вами даже не рассматривается? – тон его голоса далёк от благожелательного. Он скорее уж ворчлив, словно я не с молодым мужчиной разговариваю, а со стариком.

– Почему же, – вновь теряюсь, прячу взгляд, смотря на окончательно испорченный подол юбки. И думаю, что стоит купить ещё и мыла, потому что тот огрызок, что обнаружила в доме, был весьма мал, а сегодня я о нём что-то не вспомнила. Нахожу в себе силы продолжить: – Рассматриваю, только не понимаю, зачем вам это нужно?

Душевный порыв? Возможно. Вот только что-то никто из деревенских больше не подошёл к нам и не предложил помощь. Возможно, Криспиан один такой на всю округу, вот только… Не верится мне и всё тут!

Осторожно поднимаю голову и смотрю в потемневшие глаза. Улыбаться мужчина перестаёт и выглядит донельзя серьёзным. Он отставляет косу в сторону, делает шаг ко мне и произносит тихо, так, чтобы его услышала только я:

– А если я дал обещание Зарине помочь её племяннице, когда та появится в этом доме? Такое объяснение куда больше вам нравится, Глория?

Мы замираем друг напротив друга и молчим. Эта борьба взглядами длилась бы дольше, если бы я не отвернулась первой. И не ответила:

– Да, этот ответ мне нравится больше.

Криспиан хмыкает, отходит к орудию труда и замахивается. Вжик – высокие травы падают на землю и ложатся ровным рядком. Вжик – и на пятачке перед изгородью появляется простор, только толстые огрызки мощных стеблей торчат из-под земли. Вжик – воздух снова наполняется тягучим ароматом скошенной травы. И плывёт по округе, разносимый лёгким ветром.

Значит, Зарина попросила. И он пообещал ей исполнить эту просьбу. Что же, мне становится значительно легче от того, что теперь я знаю причину.

Возвращаюсь к своей работе, потому что полагаю – вот так глазеть на Криспиан не очень-то прилично. Руки, несмотря на плотные тряпицы, всё равно покраснели и кое-где обзавелись царапинами. Но, увидев плоды своих трудов, я не сдаюсь. Понемногу заросли становятся реже, да и среди сора появляется уже не один куст розы, а целых три, которых вчера я не заметила. Они так же зачахли, как и первый, и не имеют пышных шапок, а всё одно, упрямо лезут к свету, не желая умирать.

– Они живы? – рядом присаживается Элис и смотрит на кусты с искренним сочувствием.

Оборачиваюсь и улыбаюсь:

– Живы, и если мы их польём, то им станет куда лучше.

Малышка кивает и вперёд меня бежит к ведру, чтобы набрать воды. К реке мы идём вместе, и Элис решается спросить только, когда мы оказываемся у самого берега:

– Он… снова пришёл?

– Пришёл, – киваю, – но он сказал, что Зарина попросила его помочь мне, если я вернусь сюда.

– И ты веришь?

Правильный вопрос. И слишком взрослый, чтобы прозвучать из уст десятилетней девочки. Но и на него я отвечаю:

– Верю, она могла…

Несмотря на всеобщую нелюбовь односельчан, Зарина была пробивной женщиной. И на рынке торговалась с огоньком, но всегда оставалась вежливой, не опускалась до ругани и сквернословия. И когда взялась продавать пуховые платки да шали, тоже не упускала своей выгоды. Но опять же знала, с кого можно стрясти лишнюю серебрушку, а кому и уступить надобно. Так что в слова Криспиана я верю. Или же просто пытаюсь убедить себя в этой вере, что тоже неплохой вариант. Если подозревать каждого, то так и умом тронуться недолго.

Возвращаемся с полными вёдрами и рыхлим землю под кустами, а потом щедро поим их водой. Она впитывается быстро, потому что земля, лишённая влаги, голодна и торопится утолить бесконечную жажду. Вода из второго ведра уже задерживается на поверхности чуть дольше. Элис сидит возле одного из кустов и осторожно гладит хилые листочки. Бутонов на нём вовсе нет – думаю, ему попросту не хватило сил, чтобы помимо бледной зелени ещё и цветы произвести.

Криспиан ещё не ушёл. Он замахнулся не только на бурьян возле нашей изгороди, но и на заросшую дорожку, что вела из закутка к основной улице, и на полянку, по ту сторону от дома. Становится легче, что дышать, что воспринимать это место прежним. Таким, каким оно было при жизни Зарины. Ещё бы выдернуть все сорняки вот здесь, в садике перед домом, и можно разбить цветник. А ещё покрасить облупившиеся ставни и проредить настырный девичий виноград, что плотно укрыл стены.

Мечты несут меня вдаль и вот я уже не только старую крышу перекрыла, но и поправила плетень вокруг всего участка. И огород вскопала, и яблони с вишнями облагородила. И плоды с них собрала, и сварила ароматный компот…

Вернулась в настоящее только от настойчивого покашливания. Оборачиваюсь и встречаюсь с насмешливым мужским взглядом:

– Принимай работу, хозяйка, – он небрежно машет рукой в сторону поляны перед домом. Там не осталось высокого бурьяна, всё чисто и аккуратно.

Криспиан ждёт от меня каких-то слов, но я лишь сконфуженно шепчу:

– Спасибо вам большое!

Я в самом деле ему благодарна. Нет, без его помощи мы бы не пропали вовсе, но он взял на себя ту работу, до которой у меня бы не скоро руки дошли.

Мужчина на мою благодарность вскидывает бровь и склоняет голову к плечу:

– Может чаем напоишь?

Становится мучительно стыдно, потому что сама я предложить этого не догадалась.

– Эм… Конечно, идёмте.

Первой иду к дому, чувствуя за спиной тяжёлые шаги.

Криспиан

Лейф был прав – пройдёт время и мне попросту станет скучно. От размеренности деревенской жизни, от людей, для которых и застрявшая телега – уже великое происшествие. Или вот мясник, что напился и упал в речку и едва не утоп. Они передают эти бессмысленные сплетни из уст в уста, приукрашивая каждый на свой лад.

Словом, отдохнуть-то от дел я отдохнул, теперь же натура требовала действий.

А король и слушать не хотел о моём возвращении. Всё твердил за компанию с придворным магом, что после таких ранений возвращение к службе можно приравнивать к самоубийству. И так как видеть меня мёртвым никто из них не желал, я продолжал прозябать на окраине

королевства, воюя с упрямой козой, невесть откуда взявшейся, не менее ретивой лошадью и местными жителями. Тоже очень упрямыми, кстати.

Лейф ещё какую-то мелкую скотинку завёл – ему-то наше заточение вовсе было не в тягость. Он себя тут чувствовал так, будто и не прожил полжизни при дворе, будто всегда-то мечтал оказаться подальше от суеты.

Мне тоже играть роль простолюдина оказалось довольно просто, особенно когда пару раз погудел в единственном трактире с мужиками, да с ними же на сенокос сходил. Тогда-то они и приказали своим бабёнкам не разносить обо мне дурные слухи. Стало быть, признали за своего.

И в этот день ничего необычного не намечалось. Просто утро. Просто товар привезённый, который нужно было сбыть с рук. Надо же мне было чем-то заниматься в этой глуши, чтобы совсем от скуки не стухнуть? Вот и занялся продажей.

У телеги я оставил Лейфа, сам же намеревался отправиться домой, чтобы подремать ещё часок, а то и два. И тут… Девушка эта. Не девушка даже, девчонка – маленькая и хрупкая. Белая коса почти до пояса и пряди непослушные, что то и дело лезут в глаза. Взгляд настороженный, а ещё страх, который пустил в ней могучие корни. Держится особняком, но всё одно – слишком запугана, чем привлекает излишнее внимание. И малышка рядом с ней. Они хоть и похожи, но кровь… кровь у них была разная.

Сам не знаю, что меня дёрнуло, но я решил помочь. Кто-то скажет, что от большого сердца, вот только сердца у меня не было, Райан, а по совместительству его величество, не уставал мне об этом напоминать. Да и если быть до конца честным, то Зарина, пусть земля ей будет пухом, единственная, кто мне нравился в этом захолустье. И про племянницу я помнил. Старуха умерла, так её и не дождавшись, за что я не преминул ей попенять.

Опять же, и племянницей она ей не была. Ещё одна ложь в копилку.

Моя скучная жизнь принимала весьма занимательный оборот… Может, мне и удастся скрасить мутные дни, как братья-близнецы похожие друг на друга. Осталось понять, от кого незнакомки бегут.

Глава 10

Глория

Я теряюсь. Смотрю на него, потом на входную дверь, и снова на него. Криспиан, будто читает мои мысли:

– Если вы не возражаете, то я бы попил чаю здесь, – он кивает на кривую скамью у стены дома.

Спорить не решаюсь. Да и не очень его представляю я на нашей маленькой кухоньке. Словом, впускать его не хотелось, поэтому я скрываюсь за дверью, предварительно махнув Элис.

Девочка приходит следом и спрашивает:

– Он не уйдёт?

Она и без посторонних-то людей чувствует себя не сильно уверенно, что уж говорить о том, когда рядом кто-то чужой.

– Уйдёт, – отвечаю ей с улыбкой. – Просто я предложила ему выпить чаю, – признаваться в том, что предложение принадлежало ему, я почему-то не стала.

Элис кивает и принимается мне помогать. Дрова, те, которые мне удалось собрать за домом, почти закончились. Приходится снова идти к старому дровнику, попутно отмечая, что Криспиан взялся чинить скамью. Он подставляет под один край невесть откуда взявшиеся камни, присаживается, чтобы проверить своим весом конструкцию и недовольно кривиться. Когда же я возвращаюсь с трухлявыми щепками в руках, удивлённо вскидывает брови:

– И это, по-вашему, дрова?

Я отвечаю спокойно, с виноватой улыбкой:

– Других, увы, у меня нет.

Он удручённо качает головой, но больше ничего не говорит. Чай я завариваю из уже подсушенной травы, которую собрала ещё утром. Мне до Зарины, конечно, далеко, и пропорции не столь идеальны, но, тем не менее, когда заливаю кипящую воду в маленький чугунный чайничек, – Зарина считала, что только чугун способен раскрыть особый вкус трав, – прикрываю глаза от удовольствия.

– Вку-у-усно, – Элис озвучивает мои мысли.

– Вкусно, – соглашаюсь с ней и мы вместе выходим на улицу.

Криспиан сидит на скамье, которая довольно низкая для его внушительного роста. Ноги в грубо выделанных сапогах он вытянул во всю длину, руки сложил на груди, а глаза вовсе прикрыл. Складывалось впечатление, что он дремлет, но если внимательно присмотреться, то можно заметить вертикальную складку меж бровей и подрагивающие веки.

Белянка стоит тут же и меланхолично дожёвывает огромный лист лопуха.

– Чай готов, – подхожу и опускаюсь рядом на скамью. Натруженная спина ломит и мне хочется последовать примеру Криспиана – вытянуть ноги и прикрыть глаза. Что я собственно и делаю, потому что здесь нет никого, кто бы стал выговаривать мне о неподобающих позах и прочей ерунде.

Чайничек и чашки я поставила на сооружённый же мужчиной столик из деревянного таза, поставленного вверх дном на ведёрко. А Элис присаживается на пенёк, что стоит чуть в отдалении.

– Сложно вам придётся, – говорит Криспиан, никак не отреагировав на мои слова.

Я пожимаю плечами и признаюсь:

– Привыкнем, – глаза я открываю и смотрю на Белянку. Зарина никогда-то скотину, помимо кур, не держала, оттого я в этих делах не сильно сведуща, но всё же спрашиваю: – А её доить не нужно?

Мужчина следит за моим взглядом и усмехается по-доброму:

– Можешь попробовать, конечно, но она не даётся. Я уж и так с ней пытался, и эдак. Но её не переупрямить.

– А зачем тогда ты её завёл? – не унимаюсь с расспросами. Не знаю, для чего мне так важно знать ответы на этот вопросы. Интереса ради? Или только из-за того, чтобы он не вздумал задавать собственные, о причине нашего здесь появления? Второе больше похоже на правду.

Вот тут мужчина несколько сконфуженно кривится и признаётся:

– А я её не заводил, она сама ко мне пришла пару месяцев назад. С тех пор и мучаемся друг с другом, – в подтверждение его слов коза отрывается от поедания сочных листьев и выдаёт несколько обиженно:

– Ме-е-е-е!

– Ладно-ладно, – сдаётся он, – не мучаемся. А живём душа в душу.

Такой ответ очень нравится Белянке и она вновь возвращается к своему занятию.

– Чай остынет, – улыбаюсь, возвращая нас к тому, ради чего мы, собственно, и сидим здесь.

Криспиан усмехается, и сгибается, от чего лавка покачивается из стороны в сторону, явно намекая, что не готова к столь резким движениям. Потом вовсе через меня тянет руку к чайнику и наливает ароматный напиток в чашку. При этом он оказывается слишком близко. Настолько, что я чувствую едва уловимый аромат… Такой знакомый… Такой…

Сердце ухает вниз и я, кажется, вовсе забываю, что следует дышать.

Йастари – духи, которые могут себе позволить далеко не все. Они стоят целое состояние и, более того, их продают далеко не всем желающим.

Помнится, Арно весьма кичился тем, что он, через знакомых, сумел достать флакончик йастерии… А Лари жаловался, что у него не вышло купить духи, мол, маг, составивший их, посчитал мужчину недостойным…

Криспиан, кажется, не замечает моего состояния. Наливает чай и возвращается на своё место. Делает первый глоток и выдыхает:

– О-о-о… Это прекрасно.

Прекрасно. Наверное. Бросаю быстрый взгляд на Элис, а та, будто только и ждёт его – подбирается вся, опускает руку, которой до того гладила Белянку.

Возможно, мне всего лишь померещилось, возможно я стала слишком мнительной, но…

– Интересные духи, не подскажете название?

Мужчина замирает прямо так – с поднесённой к губам чашкой. Бросает на меня взгляд, в котором нет ни страха, ни намёка на что-то иное. Пожимает плечами и честно, во всяком случае, фальши в его словах я не чувствую, признаётся:

– Понятия не имею, мне их... друг прислал, – перед словом «друг» он делает паузу и отчего-то улыбается.

Я же прикрываю глаза и выдыхаю. Успокойся, Глория, нельзя же всех подозревать. Нельзя! Или… можно?

Глава 11

Стоит ли говорить, что чаепитие превратилось для нас в пытку? Я с нетерпением жду, когда оно подойдёт к концу. И Криспиан будто чувствуя смену настроения, спешно допивает ароматную жидкость и поднимается. А потом уходит, бросив на прощание столь раздражающее меня:

– До встречи!

Встречаться мне с ним не хочется, во всяком случае, до тех пор, пока я не решу – опасен он для нас или нет.

Когда он уходит, я ещё некоторое время сижу неподвижно. Пока Элис не присаживается рядом и не прижимается ко мне всем телом:

– С ним что-то не так? – спрашивает, когда я обнимаю её в ответ.

Пугать её совсем не хочется. Я знаю, как для неё важно ощущение безопасности. Поэтому выбираю единственный верный вариант:

– Пока не знаю, но, на всякий случай, будь осторожна, хорошо?

Нет нужды пояснять Элис, в чём именно должна состоять её осторожность, она и так всё знает. Мы сидим долго, вслушиваясь в звучные голоса природы. Вот прострекотал кузнечик, за ним вспорхнула из кустов юркая птичка. И ветер шепчет о своём, печально вздыхая в пушистых кронах, так никем и непонятый.

Чай мы пьём уже остывшим, но вкуса он своего не потерял. Наоборот, настоялся и стал, будто бы, ещё ароматнее.

– Что мы сейчас будем делать? – спрашивает Элис, приободрённая нашим одиночеством.

– Пойдём, приготовим ужин?

Девочка соглашается и приступает к работе с большим энтузиазмом. Белянка, конечно же, идёт вместе с нами. На этот раз мы решаем приготовить рагу с мясом. Чистим овощи, промываем куриную грудку, выбираем немногочисленные приправы, что обнаруживаются в закрытой баночке на одной из полок. Коза тоже вносит свою лепту и притаскивает с улицы веточку ароматной травы, от которой сама кривиться. Я принюхиваюсь – в памяти всплывает, что Зарины часто к мясу эту траву добавляла. И название у неё такое чудное, из головы вылетело, надо бы на досуге вспомнить. На козу я смотрю сначала с удивлением, а потом с подозрением, но хитрюга принимает такой вид, будто бы совершенно тут ни при чём и, вообще, вышла всё совершенно случайно. Она мимо шла, а пряная веточка сама в рот прыгнула.

Ничего-ничего, мы ещё поговорим с ней. Мне бы сразу понять, что с животинкой что-то не так, уж больно сообразительная она для скотинки, но разве же уследишь за всеми странностями, что с нами приключаются?

За ужином я предлагаю Элис кусочек сала, но малышка кривит свой хорошенький носик и отказывается. Всё же в ней от леди куда больше, чем во мне. Белянка тоже трапезничает – в её чашке несколько щедрых горстей овса. А рядом ведро с водой, чтобы после еды упрямица могла утолить жажду.

После еды мы ещё немного обустраиваем наше жилище и потом укладываемся спать. Точнее, укладывается Элис и тут же засыпает. Белянка порывает остаться с ней, но я отрицательно качаю головой и маню её за собой. Надо бы поговорить. Коза вздыхает тяжело, точно человек, опускает голову и плетётся за мной так, будто бы я на казнь её веду.

Выхожу на улицу и присаживаюсь на скамью. В руках у меня чашка с чаем и увесистый пласт сала, поверх ржаного хлеба. Откусывая первый кусок, я от наслаждения прикрываю глаза, а потом улыбаюсь. Я бы и вовсе в пляс пустилась, если бы это не было бы опасным – поперхнуться мне вовсе не хотелось. А потому я только сижу и улыбаюсь. Увидь кто меня со стороны, подумал бы, что я рехнулась. Я себя так и чувствую – немного сумасшедшей, и

несколько ошалевшей от свалившейся на нас свободы. До сих пор не верится, что получилось сбежать.

Когда от лакомства, которое таковым считаю только я, ничего не остаётся, смотрю на притихшую Белянку и спрашиваю:

– Ты же не просто коза, верно?

– Ме-е-е, – утвердительно, как мне кажется, мекает животинка. И голову опускает ниже, словно ей совестно становится за своё поведение.

– И издеваешься ты надо мной сознательно, так? – усмехаюсь, вспоминая наше знакомство.

На этот раз коза подходит ближе, фырчит, выдыхая горячий воздух. Переступает с ноги на ногу и косит глазом в мою сторону.

– И что мне теперь делать с тобой? – спрашиваю, стирая с губ улыбку. Нет, вопрос должен звучать не так, я не знала, что делать не с козой, а со своей жизнью.

То, что Элис стоит переправить за границу, как можно быстрее, в этом нет сомнений. И бабушка, если то единственное письмо, которое Эмили смогла получить от неё, правдиво, будет рада увидеть свою правнучку. Вот только на пропускных пунктах на границе нас будут ждать в первую очередь. Поэтому нужно выждать время. Сколько? Этого я не знаю. Мне никогда не приходилось играть в прятки с аристократами, скорее я всегда была у них на виду.

Теперь ещё Криспиан. Кто он? И зачем околачивается возле нас? Нет, помощь его была необходимой, тут он прав – нам придётся тяжело. Но вот внимание мужчины очень настораживает.

Ещё мне стоит продумать, как жить на те средства, что у нас имеются, а ещё, куда прекраснее было бы, придумай я способ преумножить их.

Белянка мекает возмущённо, будто пытается сказать, что ничего-то мне с ней делать не надо. И вообще, я должна быть ей за всё благодарна. Конечно, словами она это не говорит, но уж больно характерно кривит морду и сопит.

– Я не выгоню тебя, – улыбаюсь и осторожно провожу ладонью между опущенных ушей. – Только и ты пообещай мне кое-то?

Животинка подбирается, и склоняет голову набок, как бы давая понять, что вся во внимание:

– Не давай Элис в обиду. Никому, – несколько секунд длиться тишина, а потом она кивает.

Не знаю отчего, но я уверена – Белянка своё слово сдержит.

Я укладываюсь спать с довольной улыбкой на губах. Потому что Элис спит крепко, а Белянка охраняет её сон, словно обученный стражник. И девочка не просыпается до самого утра – это первая ночь, когда кошмары не пробираются в её мысли.

Просыпаюсь с первыми лучами от того, что коза прикасается мягким шершавым носом к моей руке. Протираю глаза и поднимаюсь.

У меня много планов на этот день, но начать его стоит с завтрака. У нас имеются яйца, зелень и редис. А ещё маленькая баночка сквашенного молока. Его я купила случайно, в последний момент подумала, что Элис оно придётся по душе. Белянка контролирует меня, будто бы понимает во всём этом куда больше, чем я. А мне и не жалко, с ней всяко веселее, чем одной.

Сначала мы собираем свежие листья для чая, потом я жарю яйца, попутно мелко режу зелень и щедро посыпаю наш завтрак. Уже собираюсь резать редис, как за дверью раздаётся жуткий грохот, а вслед за ним несётся отборная брань.

Глава 12

Прежде, чем выбежать из дома, я смотрю в окно. Оно выходит несколько в сторону от калитки, так что осмотр этот не приносит особого результата. Убираю сковороду с раскалённой решётки и вытираю руки об фартук.

Придётся идти к двери. И только я берусь за ручку, как на мне виснет Элис и испуганно шепчет:

– Не ходи, не ходи туда, Глория!

– Ты что? – стараюсь, чтобы страх в собственном голосе не был столь очевиден. – Всё хорошо, это просто…

Кто там и что именно «просто» я придумать не успеваю. В дверь стучат, а когда мы не отвечаем на стук, незнакомый ломкий голос выдаёт:

– Эй, есть кто? Хозяйка? Я тама, этого, дрова привёз. Криспиан сказал сюды доставить.

Дрова? Криспиан? Нет, а предупредить меня он не посчитал нужным? И что это за мода такая – помогать так, что от этой помощи едва ли ни сердце останавливается?

Открывать я всё ещё не тороплюсь, но Белянка вздыхает, совершенно по-человечески и первой идёт к двери. Потом смотрит на меня и кивает, выдаёт своё высокое дозволение, будто точно уверена, что незваный гость не причинит нам вреда. Не знаю почему, но снова ей верю. И иду следом, а потом рывком открываю дверь перед… мальчишкой. Он худосочен, долговяз и как-то по-особенному нескладен. Длинные ноги, в которых он сам будто бы путается и не знает, откуда у них длина такая взялась. Жилистые руки – с ними он тоже не знает что делать. Сжимает и разжимает пальцы, от чего те весьма неприятно хрустят. Потом вовсе взмахивает ими, будто движения эти помогают ему оформить мысли в слова:

– Хозяйка, я эта… Вот… – впрочем, и жестикуляция его не выручает. Словарный запас скуден, или дело в стеснении?

– Здравствуйте, – я стараюсь проявить вежливость, чем, кажется, окончательно смущаю парнишку.

Он густо краснеет, поправляет мозолистой ладонью вихрастые волосы, что торчат в разные стороны, и бросает быстрый взгляд на Элис. Она стоит за моей спиной, я это чувствую. Парень отступает на шаг и тихо, так что я едва различаю, произносит:

– Здрасте!

А потом замолкает, вновь потерявшись в словах.

– Так вы привезли дрова? – помогаю ему, но помощь моя не избавляет его от смущения. Патовую ситуацию спасает Белянка. Она подходит к мальчишке и трётся об его ноги, словно кошка. От этих нехитрых действий, парень улыбается куда смелее и произносит уже без запинки:

– Вредина, ты и тут уже окопалась? Шустра, ничего не скажешь.

Что же, видимо, у животинки особый талант – помогать детям, если те уж больно теряются.

Парень смотрит на меня, снова краснеет, но не так густо и быстро тараторит:

– Криспиан заказал, просил привезти. Я ж не знал, что вы спать будете ещё, солнце то уже высоко. Да и эта, уронил я там чуть, не серчайте уж.

«Чуть» – оказалось совершенно не тем словом, которое подходило бы к ситуации. Телега, перегруженная добротными поленьями, завалилась на одну сторону, и чудо, что мальчишка отделался лишь испугом да разодранной штаниной, которую он старательно прятал от нас.

Теперь куча дров перегородила тропинку, что вела на основную улицу.

– Вы ток скажите, куда перенести, я так мигом и перетаскаю, – нашёлся парень. Вот вроде взрослый, ростом так уж точно – на целую голову выше меня. Да и голос то хрипит низким

басом, то срывается на фальцет. А всё одно – ребёнок ещё. Пусть и пытающийся казаться мужчиной.

Я с сомнением смотрю на его худосочную фигуру и он приосанивается, а потом вовсе обиженно бросает:

– Вы не подумайте, я сильный, и вообще…

Что там «вообще», он не договаривает. Тут же принимается демонстрировать свои умения. Поднимает одно бревно, второе, третье, четвёртое, на пятом его слегка ведёт в сторону и я строго приказываю:

– Я оценила твою силу, но калечить себя по чём зря не стоит. Надрываться из-за уязвлённой гордости – последнее дело. Пойдём, – разворачиваюсь и маню его за собой, при этом подхватывая парочку поленьев.

Если предлагает помощь, то зачем отказываться? Вдвоём мы всяко быстрее справимся. Точнее втроём, потому что Элис тоже берёт одно полено и идёт за нами. Я хочу уже остановить её, чтобы не портила себе руки, потом… Одёргиваю себя. Сытая, вольготная жизнь не принесла нам счастья, так может обычная деревенская сможет всё исправить?

Как бы там ни было, а мальчик не лжёт. Он в самом деле споро таскает дрова за дом, шагая быстро, размашисто даже, так что я тут же отстаю от него. Элис же вовсе не пытается никого нагнать, а ходит медленно и очень сосредоточенно.

В итоге, когда после часа работы куча уменьшается лишь на треть, я командую:

– Пойдёмте завтракать и пить чай, а потом уже продолжим.

При слове «завтракать», глаза у Юджина, так он представился, загораются. Играть в притворную скромность он даже не пытается, что весьма мне приятно.

Руки мы моем на улице. Элис берёт обязанность на себя – зачерпывает из ведёрка воду и поливает нам на ладони. Девочка молчит всё это время, но её страха я не чувствую. Может дело в том, что она и не боится вовсе? Да и кого страшится? Мальчишка этот, даром, что высок, на деле же чуть старше её.

Юджин входит в дом и усаживается на стул. Ведёт носом, прищуривается. Он явно голоден, что неудивительно – такую махину ещё прокормить нужно.

Я раскладываю по кружкам квашенное молоко, по тарелкам – жаренные яйца, и чай наливаю. Жаль только, что к чаю у нас толком ничего нет.

Парнишка же, кажется, вообще не обращает внимание ни на вкус, ни на количество. Он моментально проглатывает всё, что стоит перед ним. И замирает, будто вдруг поняв, как со стороны выглядит его поспешность. Тушуется и краснеет, голову роняет на грудь, так что нам только и видно, что его затылок. Вздыхаю, смотрю на Элис, которая едва сдерживает улыбку и кладу на тарелку добавку. Пододвигаю к нему.

– Ешь и не стесняйся, – прошу его, улыбаясь уже без утайки.

Мальчишка смотрит на меня исподлобья, на секунду замирает, а потом кивает, только жуёт на этот раз намеренно медленно. Чудный малый.

После завтрака мы возвращаемся к работе. Ещё через полтора часа от внушительной горки на улице почти ничего не остаётся. Только сломанная телега, кое-как поправленная парнишкой да с пяток поленьев.

– И как ты домой поедешь? – спрашиваю, когда мы заканчиваем таскать поленья и усаживаемся в тени.

Юджин, будто только сейчас понимает размер беды, в которую угодил. Ерошит волосы, губу прикусывает и обречённо выдыхает:

– Батя прибьёт меня…

– Не прибьёт, – стараюсь его приободрить. – Ты же не специально телегу сломал, это случайно вышло.

Но мои утешения он будто не слышит. Его взгляд становится отрешённым, и смотрит он им куда-то сквозь меня.

– Сколько я тебе должна? – вновь пытаюсь растормошить мальчишку. Про себя же думаю, что дам ему больше озвученной суммы, чтобы отплатить и за помощь, и за телегу сломанную.

Юджин вздрагивает, натягивает на губы лихую ухмылку:

– А не надо ничего, за всё уже уплочено.

Он подскакивает, хочет сбежать, да только меня ответ такой вовсе не устраивает. Это что же выходит, Криспиан таким образом решил меня в должницы заиметь? Зачем?

– Нет, – говорю жёстко, без тени улыбки. – Стой здесь, я сейчас всё отдам. А то, что «уплочено», – передразниваю его, – верни назад.

И пока он ничего не успевает возразить, иду в дом, чтобы достать деньги. Но, когда возвращаюсь, ни мальчишки, ни лошади, что была запряжена в телегу, уже и близко нет. Вот ведь… Упрямец!

Ну ничего, я дождусь Криспиана, и верну ему всё с лихвой!

От злости даже усталость испаряется. Мы с Элис идём к реке, где стираем наши вещи, потом купаемся. Вода прохладная, освежающая. И малышка выбегает на берег с тихим писком, а потом долго сидит на солнышке, укутанная в полотенце. Я бы вовсе не разрешила здесь купаться, но ей так хочется, что я сдаюсь под её умоляющим взглядом.

После же мы возвращаемся к бурьяну и избавляем-таки садик от него. Где руками выдёргиваем, где ржавой мотыгой, где лопатой обрубаем мощные корни. Элис то и дело отвлекается на Белянку, которая какая-то беспокойная. Она то ходит передо мной, мешая работать, то ластится об малышку, то убегает за дом, то возвращается и начинает всё с начала.

В какой-то момент, я настолько погружаюсь в механическую работу, что прихожу в себя только от громкого козьего крика. Оглядываюсь. Ни Элис, ни Белянки рядом нет.

Со всех ног срываюсь и бегу за дом, откуда и был слышен вопль. Картина, открывшаяся мне, пугает.

Девочка сидит на траве, а рядом с ней, растянувшись в неестественной позе, лежит коза. Её бока часто вздымаются, глаза так и вовсе закрыты.

– Что с ней? – опускаюсь рядом с Элис, но она не обращает на меня никакого внимания. И только поймав её светящийся взгляд, я понимаю – с этого дня проблем у нас станет куда больше…

– Элис, – зову тише, пытаясь не напугать малышку. Она молчит и смотрит будто бы сквозь меня. Лишь в глазах переплетаются светящиеся нити, завораживая своей красотой.

Магия? Нет, нет, нет… Этого просто не может быть! Не должно быть!

Пока мои мысли лихорадочно мечутся в голове, Элис отворачивается и прикладывает ладошки к вздымающимся бокам Белянки. Коза протяжно стонет и дёргается. Ей больно и эта боль мучает её.

Первое, что я понимаю, когда разгоняю панику – нельзя, чтобы кто-то это увидел. Лихорадочно осматриваюсь, убеждаясь, что поблизости никого нет. А потом подползаю ближе к малышке и шёпотом прошу:

– Милая, тебе нельзя… Если кто-то увидит…

Думаю, что она меня не слышит, но Элис отвечает вполне спокойно:

– Никто не увидит, я только помогу ей и всё.

Спорить бессмысленно. А глядя на то, как малышка спокойно управляется с силой, я так и вовсе задерживаю дыхание. Выходит, она знает, как использовать магию? Эмили ничего не говорила об этом, лишь просила забрать дочь, увезти подальше и от её отца, и от мадам, которая возомнила, что способна устраивать чужие жизни так, как ей того хочется. Выходит, Эмили меня обманула? Но… Зачем? Подумала, что я откажусь спасать Элис, если узнаю о её способностях? Что ж её опасения были небезосновательными. Просто спрятать иголку в стоге

сена, а вот рубин, размером с кулак – почти невозможно. Вот только мне нечего было терять, и оставлять малышку там, где никто не сможет её защитить, я бы ни за что не стала.

Вновь озираюсь – никого. Обычный день в глухой деревне. И ветер так же настойчив, и солнце настырно, и птицы нетерпеливы и говорливы. Всё привычно…

Коза вздыхает, стонет, а потом напрягается всем телом. Судорога, куда мощнее, чем прежде, прошивает её тело и я, наконец, понимаю, в чём дело. Спохватываюсь, бегу в дом, приношу с собой чистые тряпицы и воды. Последняя едва тёплая, но всяко лучше холодной.

Козлёнок появляется на свет хиленьким и неповоротливым. Он несколько минут лежит неподвижно, а когда Белянка поворачивается к нему и начинает вылизывать, вдруг оживает и подаёт слабый голосок:

– Ме-е-е-е…

Только в этот момент мы с Элис выдыхаем, переглядываемся и начинаем тихо смеяться. Вот уж, действительно, приключение. У нас хоть один день обойдётся без происшествий?

А отсмеявшись, я внимательно смотрю на девочку. Она же старается на меня не смотреть, упорно отводя взгляд. Беру её за руку, осторожно отвожу от лица выбившиеся пряди и произношу:

– Мама знала?

Малышка хмурится, поджимает губы, а потом нехотя кивает и очень тихо признаётся:

– Она просила тебе не говорить. Никому не говорить, но… – она запинается и смотрит на меня прямо, – но ты не предашь. Я это знаю.

Задерживаю дыхание, после же шумно выдыхаю. Зажмуриваюсь, потому что глаза начинает жечь и так же тихо признаюсь:

– Не предам, этого ты можешь не бояться.

Мы сидим так ещё некоторое время. Белянка в это время не отходит от малыша и, кажется, вообще забывает о нашем существовании. У них всё хорошо и козлёнок уже не такой безнадёжный, каким он кажется сразу после родов.

– Элис, ты же понимаешь… – начинаю, но девочка перебивает меня.

– Понимаю. Но я не могла позволить, чтобы они, – кивок в сторону рогатой и её отпрыска, – страдали. Я могла им помочь и я помогла.

Вот так. И ведь мне нечего на это ответить. Только киваю и поднимаюсь на ноги. Мы молча идём в дом, где я пытаюсь отмыть руки в тазу, но что земля, что сок от травы, отмываться не спешат. Наконец, перестаю тереть кожу до красноты и сажусь на табурет. Элис наблюдает за мной в полной тишине, а когда я замираю, глядя в окно, то она говорит:

– Глория, у тебя же тоже есть сила, я чувствую, но… – я вздрагиваю, а она запинается, впрочем всё же заканчивает: – Но она какая-то неправильная.

Сила…

– Что тебе мама рассказывала про тех, кто обладает магией?

Элис хмурится, покачивается на табурете и бурчит:

– Чтобы я держалась от них подальше. Она всегда говорила мне, чтобы я не смела использовать свою силу при других, но ведь это неправильно! Она живёт во мне и я не могу не использовать её. Сила рвётся на волю! – она возмущённо хлопает ладонями по ножкам. – Я могла бы помогать! И ей могла помочь! Но она предпочла умереть, лишь бы скрыть мою магию… Умереть и бросить меня…

Голос малышки дрожит, а после вовсе срывается на шёпот. Я подскакиваю и оказываюсь рядом с ней. Крепко обнимаю:

– Она не бросала, она пыталась тебя защитить.

Глава 13

Элис дрожит, и я чувствую, как на рукав моей рубашки падают горячие слёзы. Но всё происходит тихо, больше ни одного слова не срывается с детских губ. Только когда девочка успокаивается, она спрашивает:

– Глория, расскажи мне всё.

Всё… Такое простое слово, за которым скрывается бездна грязи и бесконечная боль.

Я не отстраняюсь. И спрашиваю спокойно:

– Что именно ты хочешь знать?

Элис молчит несколько секунд, а потом выдыхает:

– Вы в самом деле были с мужчинами, – здесь она запинается и, даже не видя её лица, я понимаю, что девочка краснеет, – за деньги?

Хмыкаю и расцепляю руки. Подхожу к печке и принимаюсь разводить огонь, чтобы согреть чайник. Не то, чтобы мне хотелось чаю, просто нужно было чем-то занять себя – выворачивать душу наизнанку не так уж легко. Особенно когда откровения обернуться для меня невыносимой головной болью на несколько дней вперёд. Но Элис заслужила, чтобы ей рассказали правду. Жаль, что Эмили не хватило на это смелости или же сил…

– Это и так, и не совсем так, – пожимаю плечами и присаживаюсь напротив. Вот только смотрю не в глаза малышки, а в окно, за которым природа изнывает от палящих солнечных лучей, с нетерпением ожидая вечерней прохлады.

Как-то там наша Белянка и её малыш? Или это малышка? Да, я уже говорила – в разведении скота я вовсе не сильна. Во всяком случае, я верю, что у них всё хорошо. Пошла бы проверить, но… Этот разговор давно назревал, сейчас пришло его время.

– Видишь ли, принято считать, что магия – это дар. И чем он сильнее, тем выше твоё положение в обществе. Вот только нам, простым смертным, никто и никогда не говорит о том, что обладающие великой силой, в большинстве своём не способны её контролировать. Да, для них создают специальные учебные заведения, и поглотители высшего порядка, которые высокородные обязаны носить всю жизнь. Но… Вкусившие власть не очень-то любят сдерживаться и загонять себя в рамки закона. Они хотят свободы. Для этого им нужны такие, как мы. Почти пустышки, обладающие всего-то искрами силы и способные впитывать излишки магии и стабилизировать их дар на некоторое время.

Говорить сложно – я чувствую, как затылок ломит всё сильнее и сильнее, и в груди печёт. Вот только внешне пытаюсь не показывать этого. Элис не должна знать, чего мне это стоит. Она должна понять, что её мать не предавала её. Что она любила Элис больше жизни.

– И вы…? – малышка не выдерживает и прерывает взятую мной паузу.

– И мы были теми самыми почти пустышками, которые впитывали излишки магии. Поэтому ты чувствуешь во мне силу, вот только она – не моя, по крайней мере, большая её часть. Она принадлежит тем, для кого я когда-то была «поглотителем».

Элис не права – мы не продавали себя для плотских утех. Жозель, первая наша «владелица», за этим строго следила. Уж не знаю почему, но магия ценила чистые «сосуды». Именно поэтому мадам подбирала беспризорных девочек в том возрасте, когда они ещё не успели познать вкус взрослой жизни. И, действительно, занималась нашим воспитанием, чтобы мы могли составить компанию какому-нибудь важному лорду на очередном приёме. Ведь на приёмах, где скапливалось огромное количество одарённых, чаще всего случались срывы. Но никто из аристократов не хотел признаваться в том, что он не держит под контролем свою магию.

Отсюда слухи – для всех остальных мы были девицами из дома удовольствий. Очень дорогими девицами, едва ли ни элитой, среди падших женщин.

– Но мама… – с сомнением в голосе тянет Элис. Сложно поверить в то, что твоя мама сохранила чистоту, если являешься её ребёнком.

Вздыхаю и на секунду прикрываю глаза, пытаясь отрешиться от боли, что становится почти невыносимой.

– У твоей мамы особая история…

Молчу, выдерживая паузу, и жду, когда волна боли отступит. А после спрашиваю:

– Ты точно готова её услышать?

Элис отвечать не торопится. Смотрит на меня широко распахнутыми глазами, в которых сражаются не на жизнь, а на смерть страх и любопытство. Желание узнать правду и мечта, никогда этого не слышать. Наконец, она зажмуривается и выдыхает тихо-тихо:

– Готова.

«Прости, Эмили, но так будет лучше», – произношу мысленно.

– Прежде, чем я расскажу правду, ты должна знать – мама тебя любила, несмотря ни на что. И если бы можно было повернуть время вспять, она бы никогда от тебя не отказалась. Понимаешь?

Элис рвано выдыхает и кивает в знак согласия. Но я знаю, что она потом ещё долго будет сомневаться в этих моих словах.

– Эмили была самой красивой из нас. И я вовсе не преувеличиваю, а говорю чистую правду, – добавляю с нажимом и улыбаюсь, вспоминая, какой была моя подруга, когда мы впервые с ней встретились. – Светлые локоны, которые, как бы мы не резвились, всегда оставались в идеальном порядке, огромные невинные глаза и улыбка, от которой замирало сердце. Мы попали к мадам почти одновременно, и сдружились. Потом же, когда поняли, что ничего в этой жизни не достаётся просто так, привязались друг к другу ещё больше. У нас были только мы. Собственно, люди ко всему привыкают и мы тоже привыкли. Но… твоя мама приглянулась сынку одного лорда. Он был избалован до безобразия и свято уверен, что может получить всё, чего ему только захочется. А захотелось ему твою маму. Жозель, конечно же, отказала. Но… Высокородные не терпят отказов. Он выкрал Эмили. Нет, мадам её, конечно, вернула, вот только спустя некоторое время, мы узнали, что твоя мама беременна тобой.

История была гадкой, со стойким запахом гнили. Я до сих пор помню в каком состоянии Эмили вернулась в дом. Как никого не хотела видеть, ни с кем не разговаривала. Бродила призраком ночью по коридорам, а иногда, ближе к рассвету, я слышала, как она тихо плачет на соседней кровати. Тогда я поднималась и подходила к ней. Садилась рядом и гладила по подрагивающим плечам. Я никогда ни о чём её не спрашивала, да и ни к чему мне было знать подробности. Я лишь пыталась её поддержать. Отдать должное, мадам не выгнала её даже после того, как Эмили перестала быть «поглотителем». Жозель оставила её воспитателем для молоденьких девушек, которые попадали в дом так же «случайно», как и мы когда-то.

– Мой отец… он… – Элис, пытается осмыслить услышанное. Это сложно, но как иначе объяснить, почему мать предпочла уйти из этой жизни и оставить её одну?

– Твой отец не сильно хороший человек, – отвечаю уклончиво. – Да только это не важно. Куда важнее то, что Эмили не просто так скрывала твою магию даже от меня. Высокородные умеют признавать бастардов, а уж бастардов, получивших силу – так и подавно. Именно поэтому она не разрешала тебе пользоваться магией и лечить её. Именно поэтому умоляла взять тебя с собой, если я всё же решусь сбежать, и отправить к бабушке.

Я уже много раз говорила с Эмили о том, что подумываю о побеге. По первой, когда узнала о цене столь прекрасной жизни, так и вовсе предпринимала попытки, но меня каждый раз ловили. Сейчас же я стала взрослее и умнее. Поэтому у нас всё получилось. А Элис… Ей я помогу, даже ценой собственной жизни.

Голова уже не болит. Точнее, боль становится моей неотъемлемой частью. Поэтому я пью чай и вовсе не замечаю его вкуса. Элис же молчит. А я не тороплюсь лезть к ней в душу.

Правда, какой бы горькой она не была, всё лучше лжи. В какой-то момент малышка уходит в горницу, ссылаясь на то, что хочет побыть одна. Я вновь не отговариваю. У меня попросту нет на это сил.

Лишь когда Элис уходит, поднимаюсь и, держась за стену иду на улицу. Мельком смотрю на Белянку – счастливая мамаша нежно вылизывает своего отпрыска. Думаю, что надо бы им организовать лежанку какую, но не сейчас. Спотыкаясь и едва не падая, бреду к реке. Вода, пусть и немного, но облегчит страдания. Вода заберёт часть боли.

Мадам Жозель очень пеклась о данных своих клиентов. Поэтому каждой девочке, вступившей в определённый возраст, ставили печать. Она и причиняла боль и не давала рассказать ни о том, кто мы, ни чем занимаемся, ни кто приобретает нас, в качестве поглотителей. Но я научилась обходить печать, расплачиваясь лишь невыносимой болью.

Опускаюсь в воду прямо в одежде. Закрываю глаза, задерживаю дыхание и ныряю с головой. Сейчас… Ещё чуть-чуть и станет легче… Стоит только расслабиться, позволить магии уйти… Не знаю, в какой момент попросту теряю сознание, а прихожу в себя на берегу. И надо мной склоняется жутко недовольный Криспиан, почему-то весь мокрый до нитки…

Глава 14

В ушах шумит и в горле першит. Я кашляю с надрывом и морщусь от того, что боль в висках становится сильнее.

– Жить надоело? – зло спрашивает мужчина, хотя при этом довольно бережно придерживает меня за плечи.

На возмущение нет сил, и на оправдания тоже, поэтому всего лишь качаю головой и хрипло признаюсь:

– Я не специально.

Действительно, не специально. Те самые искры, которые имелись у меня, принадлежали к водной магии. Вода помогала мне справиться, что с излишками чужой магии, что с печатью, или, если сказать точнее, то с излишней откровенностью, которая эта печать должна была сдерживать. Но в этот раз что-то пошло не так. Вода не помогла. Почему?

Говорить не хотелось. Да и смотреть на гладь реки, что блестела под яркими лучами солнца не было сил. Не говоря уже о недовольном лице Криспиана, который не отводил от меня взгляда. Поэтому прикрываю глаза и пытаюсь лечь обратно на траву.

Голова так и кружится да и силы стремительно заканчиваются. Хотя их и до этого было не так уж много. Сейчас бы добраться до дома и лечь на кровать…

– Стоять! – командует Криспиан и помимо злости в его голосе звучит страх. А ещё растерянность, будто ему никогда в жизни не доводилось видеть полуобморочных девиц. Впрочем… Может и не доводилось?

– Я отдохну и всё пройдёт, – шепчу и слабо отталкиваю руку, которой он настойчиво пытается вернуть мне вертикальное положение.

– Отдохнёшь, конечно отдохнёшь, – Криспиан сменяет гнев на милость. – Только сначала расскажешь мне, что произошло? И где твоя дочь?

Последний вопрос был… своевременным. Страдать мне резко расхотелось, ведь там Элис! Совсем одна! Нет, не одна, конечно, рядом с ней Белянка и лопоухий козлёнок, но… После всего, что малышка от меня услышала, я просто обязана взять себя в руки и вернуться к ней. Ничего, мне не впервой терпеть и боль, и дурноту.

Открываю глаза и пытаюсь теперь уже встать, что мужчина расценивает, как хороший знак. Помогает мне, удерживая от неминуемого падения. От него больше не пахнет дорогим парфюмом, и выглядит он отнюдь не презентабельно – на рубашку кое-где прилипла ряска, на рукаве бурые пятна…

Стоп. Это что, кровь?

Поднимаю взгляд и смотрю на Криспиана. На его губах появляется кривая ухмылка:

– Это твоя, – говорит и мрачнеет сильнее. Дрожащей ладонью провожу по губам, только сейчас понимая, что металлический привкус мне вовсе не померещился.

На пальцах кровь.

– Я её остановил, – глухо роняет мужчина. Я же пытаюсь отстраниться от него, потому что вдруг чувствую, его обжигающие руки на пояснице. Точнее, чуть ниже, чем того позволяют приличия. Криспиан не сразу, но позволяет мне сделать шаг в сторону, при этом он внимательно следит за тем, чтобы я не рухнула на землю.

– Спасибо, – произношу спокойно. И только богам известно, как тяжело мне даётся это спокойствие. – Я просто немного перетрудилась и… Вот.

Развожу руками и выдавливаю из себя улыбку. Представлять, как я сейчас выгляжу, нет никакого желания. Наверняка, ужасно.

– Перетрудились, значит, – мужчина щурится, и улыбается в ответ. Вот только улыбка больше походит на оскал. И взгляд… Им попросту можно испепелять врагов. Но я не враг. И

я не лгу. Я, действительно, перетрудилась. Можно было бы ограничиться лишь рассказом об Эмили, я же решили посвятить Элис во всё сразу. За что, собственно, и расплачиваюсь.

– Да, – и пытаюсь перевести тему. – Криспиан, я должна вас поблагодарить. Вы помогли мне, а ещё дрова, но деньги…

Договорить мне не позволяют:

– Поблагодарить?! – он буквально рычит и подаётся вперёд, явно желая схватить меня за плечи. Благо, в последний момент он останавливается и остаётся на месте. – Да ты чуть не утонула, глупая девчонка! Это-то ты понимаешь?!

Я подбираюсь. Поначалу хочется втянуть голову в плечи, а ещё лучше покаяться и пообещать, что больше я подобного не повторю. Но потом вспоминаю, что свободна. И что не обязана ни перед кем преклоняться. И терпеть такую мнимую заботу – тоже.

– Я думаю, мы друг друга недопоняли, – злость придаёт сил и туман в голове проясняется. Даже боль отступает на второй план. – Я благодарна вам за всё, но повышать на меня голос вы не имеете никакого права.

Каждое слово падает сухо, и заставляет его мрачнеть сильнее. И возмущение, что так и плескалось в его взгляде, медленно истаивает, оставляя после себя подобие раскаяния.

– Простите, я не хотел вас обидеть, просто… – Криспиан отворачивает, сжимает и разжимает кулаки. – Просто вы должны понять, – продолжает он, не глядя на меня, – что здесь нет слуг, которые смогли бы вовремя заметить, что их госпоже плохо.

Он всё ещё верит, что мы из знатного рода. Забавно.

– Я учту на будущее, – по губам скользит холодная улыбка. – Идёмте, я отдам вам деньги за дрова. И будьте так добры – воздержитесь от дорогих подарков. У меня достаточно средств, чтобы упорядочить наш быт.

Он хочет возразить, кожей чувствую это, но предпочитает промолчать. Что очень правильно, потому что в том состоянии, в котором я находилась сейчас, ему бы вряд ли понравилось спорить со мной.

К дому мы идём в тишине. Не знаю, что чувствует и о чём думает Криспиан, я же держусь на чистом упрямстве. Дурнота чуть отступает, но сил вовсе не прибавляется. К тому же я украдкой пытаюсь стереть подсыхающую кровь с лица. Помнится, последний раз у меня кровь шла носом ещё в детстве, когда… Впрочем, эту страницу из жизни я давно вычеркнула, так и вспоминать нечего.

Мне не хочется пугать Элис, поэтому, прежде чем войти в дом, я умываюсь из ведра, что стоит у порога. Одежда почти высохла, что совсем немудрено, под палящими-то лучами солнца. Но меня всё равно пробивает дрожь. Не от холода, нет, это скорее нервное. Увы, сейчас я больше никак не могу исправить свой внешний вид…

Элис я нахожу в горнице. Она сидит на перевёрнутой корзине и невидящим взглядом смотрит в окно.

Услышав шаги, девочка оборачивается, подскакивает со своего места и бросается ко мне. Правда, тормозит в последний момент, завидев за моей спиной Криспиана.

– Я… – бормочет она и мнётся, не зная, что сказать. Потом смотри на моё лицо, на одежду, что в жутком беспорядке и обеспокоенно спрашивает: – С тобой что-то случилось, – запинается, но добавляет уверенно, – мама?

Не знаю, обращает ли Криспиан внимание на эту запинку, да и мне отчего-то безразлично это. Я лишь подхожу к малышке, прижимаю её к себе и говорю:

– Всё хорошо, солнышко.

Она не верит, но, конечно же, переспрашивать не решается и возражать тоже. Я оборачиваюсь, с трудом отмахиваясь что от боли, набирающей силу, что от мутной пелены перед глазами и предельно вежливо прошу:

– Могли бы вы выйти, чтобы я…

Впрочем, меня перебивают довольно бесцеремонно:

– Нет, я никуда не уйду!

От наглости и взгляда, в котором не остаётся ничего, кроме безграничного упрямства, я замираю. А потом интересуюсь возмущённо, хотя, если уж быть откровенной, возмущением мой вопрос назвать сложно, настолько голос слаб:

– Это ещё почему?

Криспиан вздыхает устало и смотрит вовсе не на меня, а на Элис, и просит:

– Ребёнок, завари-ка ты для мамы крепкого чая, – сам же тем временем подходит ко мне и придерживает за плечи. Что очень вовремя, потому что дурнота возвращается с новой силой, так что у меня с трудом получается не поддаться искушению и не потерять сознание. Останавливает лишь то, что я не имею права бросить Элис наедине с этим, вроде бы дружелюбным, но всё таким же чужим человеком. – Отвечая на твой вопрос скажу – не уйду я потому, что магическое истощение довольно коварная штука. И я не готов оставить тебя в таком состоянии на попечение маленькой девочки.

Меня вовсе не трогает, что мужчина переходит на «ты», как и то, что он ведёт меня к кровати, которую я выделила Элис. Меня лишь поражает, что девочка слушает его беспрекословно, а ещё упоминание о магическом истощении. Если он чувствует магию, то…

– Кто вы? – спрашиваю, слабо сопротивляясь. На мои вялые трепыхания мужчина смотрит едва ли с отеческим снисхождением, потом же поправляет подушку и берёт меня за руку.

– Криспиан, я же уже представился, – усмехается и добавляет. – Но, если честно, мне куда интереснее узнать, кто вы и кем на самом деле приходитесь Зарине?

Страх обжигает внутренности. Скручивается где-то в горле тугим комом, и я отворачиваюсь. А потом говорю предельно твёрдо, насколько вообще сейчас способна:

– Я вам уже всё сказала, а то, что посчитала нужным скрыть, вас, будьте уверены, не касается.

Он хмыкает и я чувствую, как руке становится теплее, потом же меня затапливают уже знакомые ощущения – Криспиан вздумал поделиться со мной магией.

– Не нужно! – почти кричу и пытаюсь вырвать руку, но куда там.

Криспиан спешит пояснить:

– Всё хорошо, сейчас станет легче…

Я со стоном падаю на подушку и закрываю глаза, чувствуя, что вот теперь совершенно точно лишусь чувств.

– Не нужно, – предпринимаю ещё одну попытку, впрочем, руку уже не вырываю, потому что силы наши не равны и равными точно не станут. Но должен же он понять, что я не скромности ради отказываюсь от такой помощи.

Отдать должное, Криспиан не глуп. Сквозь подступающую дурноту я чувствую, что он убирает свою руку и ненавистное мне тепло обрывается, позволяя вдохнуть свободнее.

Тишина падает между нами и в какой-то момент мне вовсе кажется, что я попросту уплыла в забытьё, оттого не слышу ничего. Но нет, осторожные шаги Элис разрушают эту иллюзию.

Девочка замирает и едва слышно произносит:

– Я принесла чай.

Криспиан отмирает. Слышу, как он поднимается, как подходит к малышке, которой, наверняка, очень страшно. Вот только я никак не могу заставить себя открыть глаза, будто кто-то давит на веки.

– Хорошо, – мужской голос звучит довольно бодро, – сейчас мы напоим им твою маму и дадим ей отдохнуть.

Я не слышу, что ему отвечает Элис, но ярко представляю её бледное лицо и страх, что застывает в широко распахнутых глазах. Пытаюсь пошевелиться, но тело меня не слушается. Отвратительное ощущение беспомощности приводит в отчаянье.

Судя по тяжёлым шагам, Криспиан подходит ко мне, опускается на край кровати и с улыбкой, которую я не вижу, но чувствую, говорит:

– Давай, выпьешь чаю, и…

– Не надо, – выталкиваю и с трудом всё же открываю глаза. – Не надо, – повторяю, сама не отдавая отчёта в том, о чём именно его прошу.

Но… мужчина вновь угадывает ход моих мыслей.

– Не бойся, – говорит серьёзно, стирая улыбку с губ, – я не обижу её. И в обиду не дам.

Обещание звучит так искренне, что я не нахожу сил на возражение. Устало прикрываю глаза и тяжело выдыхаю. Мне так хочется ему поверить, хоть кому-нибудь довериться, не ожидая удара в спину…

Чай я так и не выпила, окунувшись в вязкую пучину дрёмы.

Глава 15

Криспиан

Юджин отчитался, что дрова доставил по нужному адресу. И мне вроде бы не о чем беспокоится, но я беспокоюсь и то и дело порываюсь пойти к Глории. Странное чувство, какого во мне отродясь не было.

Списываю всё на скуку. Вот появилась тут незнакомка и у меня нашлась цель – узнать, кто она такая, что скрывает и от кого бежит. Всяко лучше, чем проживать одинаковые, словно близнецы, дни.

Я ещё некоторое время слоняюсь по дому, пытаясь занять себя, но в итоге плюю на подобие гордости и собираюсь.

– Куда? – спрашивает Лейф, флегматично отмахиваясь от настырных мух. Он лежит под деревом, прямо на траве. Вокруг него, словно возле мамки, кружат с десяток цыплят.

В который раз удивляюсь, когда он успел стать таким – простым, словно медяк, и совершенно неприхотливым. Будто его сонная нега глухой деревни вовсе не удручает. Хотя сам же был противником ссылки, правда он списывал всё на мою деятельную натуру, которой станет тесно на нескольких акрах земли, где ничего не происходит. И ведь как в воду глядел.

– По делам, – отмахиваюсь. Почему-то не хочется признаваться в том, куда я иду. Но разве старого Лейфа можно провести?

– Опять к ней? – говорит, приоткрывая один глаз, и смотрит на меня очень внимательно.

Он со мной столько, сколько я себя помню. Отец сначала назначил его мне в няньки, потому что настоящему мужчине не пристало под женскими юбками прятаться, потом в наставники, а после Лейф просто остался со мной, не желая возвращаться в родовое поместье нашей семьи. Оттого-то он читал меня, как открытую книгу. Меня! Мага-дознавателя первого уровня! Скажи кому, засмеют ведь. Собственно, Райан и подтрунивал надо мной по этому поводу, но ему можно, потому что он король. Остальным – чревато для здоровья.

В этот раз тоже не удалось скрыть своих истинных мотивов:

– К ней, – сдаюсь, улыбаясь.

Но вопреки ожиданиям, Лейф не улыбается в ответ. Напротив, приподнимается на локтях и хмурится.

– Крисипиан, а тебе не кажется, что некоторые загадки должны остаться неразгаданными?

Делаю невинные глаза:

– С чего ты решил, что я хочу разгадать эту загадку?

Лейф лишь фыркает смешливо и поднимает глаза к небу, отвечая на мой вопрос без слов. Больше он мне ничего не говорит, и я успеваю сделать с пяток шагов, прежде чем слышу:

– Оставил бы ты девочек в покое. Твой интерес для них добром не кончится.

На секунду застываю, но упрямо кручу головой – я, в самом деле, не желаю им ничего плохого. Просто мне… скучно. А со скукой нужно бороться кардинальным образом. И ещё отчего-то мне хочется стереть грусть из глаз Глории, но эта мысль мимолётна и совершенно ничего значит. Во всяком случае, именно в этом я себя пытаюсь убедить, пока иду к заросшему настырным виноградом дому.

Но когда до покосившейся калитки остаётся всего-ничего, я вдруг замираю. Что-то не так. В воздухе витает странный тяжёлый запах, который сложно охарактеризовать какими-то внятными словами. Просто тяжёлый, и вязкий будто бы. Вдыхаю, и внутри вспыхивает сила. Она оживает помимо воли, струится по венам, подталкивает.

Дальше не думаю, бегу, безошибочно определяя место, где «фонит» больше всего. А когда издалека вижу светлое пятно на поверхности реки, лечу вперёд, не чувствуя ног.

Ещё никогда в жизни мне не было так страшно…

Глория

Я спала и в тоже время бодрствовала. Странное чувство, пугающее. Вроде бы понимаешь всё, слышишь даже, но открыть глаза и пошевелиться не можешь. Такое со мной редко, но случалось. Чаще всего после больших приёмов, когда мне приходилось поглощать огромное количество магии. Тогда меня спасала горячая ванна, где я и лежала вот в таком забытьи, сегодня же вода едва не стала для меня смертельной карой, и облегчения не принесла.

Слышу тихий голос Элис, но слов разобрать не могу. Только ловлю интонации. Малышка насторожена, но не напугана, что само по себе прекрасно. Ей отвечает Криспиан. Он говорит доброжелательно и так же тихо, как девочка.

Вновь проваливаюсь в тишину и прихожу в себя уже рывком. Будто кто-то за шкирку выдёргивает меня из этой нездоровой дрёмы, прямо как Криспиан сделал там, у реки.

В комнате тихо, только откуда-то с улицы раздаётся монотонный звук – тук-тук-тук. Пауза и снова – тук-тук-тук.

С трудом поднимаюсь на ноги, замираю, прислушиваясь к своим ощущениям. Голова болит, но боль эта далека и ненавязчива, можно терпеть. Картинка перед глазами не плывёт, и я выпрямляюсь, делая первый шаг, потом второй и третий.

Выдыхаю. Хорошо, значит, организм справился куда быстрее, чем я думала.

Возле кровати на принесённом из кухни табурете, стоит чашка с остывшим чаем. Бледно улыбаюсь и иду на улицу.

Не знаю, откуда во мне появляется эта уверенность, но я знаю, что с Элис всё хорошо. Несмотря на то, что она не была моей дочерью, я очень хорошо чувствую её настроение. Где бы она ни была. Вот и сейчас так.

На улице стук становится громче, и к стуку прибавляется треск. Иду за дом, откуда слышен звук и застаю занимательную картину. Криспиан стоит ко мне спиной. Рубашка на нём снова отсутствует и видно как по мощной спине, испещрённой рельефом мышц, скатываются капельки пота. Он поднимает руки вверх, над головой мелькает лезвие топора, потом с силой опускает его и раздаётся треск – бревно разлетается надвое. Поднимает половину и снова разрубает её надвое.

Внутри меня что-то вспыхивает, а потом гаснет, потому что… Потому что красивые мужчины почти так же опасны, как мужчины богатые. Может, я и преувеличиваю, но проверять совсем не хочется.

С трудом отрываю взгляд и смотрю чуть в сторону – там Элис и Белянка, а рядом с ними, смешно ковыляя и виляя задом, вышагивает козлёнок. Ноги его то и дело разъезжаются, но он упрямо собирает их в «кучу» и пробует снова. Девочка улыбается, после тихо смеётся, и я любуюсь ей. Она так похожа на мать…

Не замечаю, что звуки стихли, и вздрагиваю от хрипловатого:

– Ну, вот, Элис, я же говорил, что с твоей мамой всё будет хорошо!

Смотрит на меня. На губах улыбка, а в глазах… В глазах отсвет вопросов, которые он не задаст. Пока что…

Девочка срывается и бежит ко мне. Врезается с разбега, так что мне приходится приложить усилие, чтобы устоять на ногах и крепко сжимает ладошки, будто боится, что я исчезну.

Глажу её по растрепавшимся волосам и шепчу:

– Испугалась?

Элис не отвечает, но утвердительно кивает головой. Потом отстраняется и ловит мой взгляд. В её глазах всё, что она хотела бы сказать мне, вот только эти слова не для посторонних. Поэтому она «говорит» обо всё молча. И я понимаю. Киваю и осторожно провожу кончиками пальцев по её щеке:

– Со мной всё хорошо, не бойся.

Криспиан наблюдает за нами издалека, не делая попыток подойти ближе. И я за это ему тоже благодарна. Чтобы он там не думал обо мне, я умею быть благодарной, а вот доверять – не умею.

Нехотя Элис отстраняется от меня, и я успеваю заметить в её глазах мелькнувшие слёзы. Я не знаю, как убедить малышку в том, что ничего страшного не произошло. Ведь не поверит и будет лелеять в себе этот страх, вновь остаться одной.

– Пойдём, – отмирает девочка, пытаясь развеять собственные переживания. – Я познакомлю тебя с Крохой.

Значит, козлёнок с лёгкой руки Элис стал Крохой? А что, ему идёт. Вот только Криспиан не разделяет наши предпочтения. Он подходит к нам, когда мы гладим забавного ребетёнка и усмехается:

– Элис, тебе не кажется, что Кроха – несколько не солидно для будущего козла? – в его взгляде искреннее тепло и участие, а ещё искры смеха. Что для меня странно. Потому что от мужчин я привыкла видеть совсем иные поступки и чувства.

Малышка хмурится, бросает на меня настороженный взгляд, но я принимаю решение не вмешиваться в этот диалог.

Элис смотрит на Криспиана и тихо спрашивает:

– А как солидно?

Мужчина думает несколько секунд, а потом выдаёт:

– Не знаю, может быть Гром?

И надо же, неповоротливый малыш в этом время каким-то образом оказывается у аккуратно сложенных дров. Задние его ноги лихо взлетают вверх и толкают кучу в сторону.

Шум, гром и истеричное блеяние, испуганного озорника.

Белянка подрывается первой, затем бежит Элис и Криспиан, я же замыкаю нашу процессию. Спасать, к счастью, никого не нужно – маленький хулиган отделывается лёгким испугом, на нём ни царапины. Зато он весьма точно подтверждает выбранное для него имя.

– Говорю же, Гром, – усмехается Криспиан, поглаживая распластавшегося на траве козлёнка. Белянка смотрит за его рукой с долей насторожённости, будто боится, что он заберёт малыша. Но мужчина говорит, обращаясь к ней: – Да не трясись, мне и без него хлопот хватает.

На последних словах он, почему-то, смотрит на меня. Будто под «хлопотами» имел в виду ту, для кого он и продукты доставляет, и траву косит, и дрова колит. Но разве я прошу его об этой помощи?

Вздёргиваю бровь, как бы спрашивая, точно ли он хочет обвинить нас в том, что мы доставляем ему хлопоты. Выдерживает мой взгляд и вместо того, чтобы пойти на попятную, нахально подмигивает.

Краска бросается мне в лицо, и я отворачиваюсь первой. Странный он всё же.

Потом мы отправляемся в дом. Точнее в дом идёт Криспиан – он решает, что мне необходимо натаскать дрова в сенцы, чтобы в мокрую погоду не бегать на зады. Я же плетусь за ним.

– Боишься, что украду что-то? – по-своему расценивает моё сопровождение.

Я грустно улыбаюсь и качаю головой.

– Это вряд ли, – говорю с невесть откуда взявшейся уверенностью.

Мужчина запинается, разворачивается и смотрит на меня с наигранным удивлением. Изображает шуточный поклон, при этом удерживая приличную охапку дров:

– Польщён, очень польщён вашим доверием, – делает паузу и спрашивает, немного сощурившись: – Может быть, ещё и правду про себя расскажите?

Улыбка пропадает с моих губ. Я распрямляю плечи, с холодностью смотрю ему в глаза:

– Мне кажется, вам пора.

Да, вся благодарность и тепло, что появились к этому человеку, пропадают. Остаётся лишь страх. А ещё разочарование – далась ему эта правда… Будто без неё и жизни нет.

Криспиан тяжело вздыхает. Отправляется в сенцы, складывает дрова и возвращается. Останавливается напротив меня и серьёзно, без тени насмешки говорит:

– Если бы я знал правду, я бы мог помочь.

Хочется топнуть ногой от бессильной злости, но я лишь веду плечами и опять же холодно отвечаю:

– Нам не нужна помощь! – стараюсь, чтобы голос звучал, как можно увереннее.

На что Криспиан насмешливо вздёргивает бровь, а потом широко улыбается. Только тогда я понимаю, как звучат мои слова.

Да уж, Глория, помощь тебе, конечно же, не нужна! Да если бы не этот странный мужчина, ты бы попросту утонула сегодня, оставив малышку Элис одну!

Тушуюсь и исправляюсь, но исправления эти выглядят довольно нелепо:

– Нет, ваша помощь бесценна, но я имею в виду, что она не нужна нам с… той, с другой ситуацией.

Голос обрывается, и я прикрываю глаза. Боги! Большей глупости сморозить я не могла!

Криспиан молчит, потом так же молча обходит меня и останавливается, чтобы прошептать на ухо:

– Надеюсь, когда с той, с другой ситуацией, моя помощь понадобиться, ты не будешь молчать.

И уходит, оставив меня в растерянности. Кошмар! Я же буквально призналась ему, что у нас есть прошлое, от которого мы бежим. Не прямым текстом, конечно, но он вовсе не глупец.

Глава 16

Криспиан

Меня ломает. Странное чувство. Вот вроде бы не делаю ничего необычного, помогал же я и до этого красивым барышням, и старушкам тоже, Зарине, например, но здесь что-то иное. Отличное от всего остального.

Глубоко внутри зудит желание узнать о Глории по своим каналам. Логичное, в общем-то, желание, правильное даже. Но что-то останавливает и это что-то – услышать всё от неё самой. Чтобы попросила помощи, чтобы доверилась…

На последней мысли спотыкаюсь и останавливаюсь прямо посреди дороги. М-да, господин дознаватель, да вы того, похоже, сошли с ума! Додуматься до такого! А причина проста – скука. Будь я занят настоящими делами, а не скудным хозяйством в глухой деревне, то и не обратил бы внимания на странных незнакомок. Наверное…

Злюсь на самого себя за эту неопределённость. Как юная барышня, честное слово. Прав Лейф, надо бы оставить их в покое. И не лезть туда, куда меня не просят.

Принимаю волевое решение отойти в сторону и больше не трогать их, но вместо облегчения, которое должно было бы прийти, ощущаю пустоту.

Качаю головой и иду дальше.

Домой возвращаюсь в скверном расположении духа, на молчаливый укор в глазах наставника машу рукой. Сейчас я не готов слушать нотации, каким бы правильными и своевременными они не были.

Усаживаюсь в кресло, что стоит на веранде, и долго смотрю вдаль. На бескрайнее поле, на котором дружно поднимается пшеница. Вскользь отмечаю, что в этом году будет хороший урожай. Слушаю тишину, но и она не приносит успокоения.

Глория

Мы с Элис делаем вид, что ничего не произошло. Мне не хочется объяснять ей про печать, потому что она станет винить себя и сожалеть, что я из-за её расспросов почувствовала себя плохо. Но я знаю, что мы ещё вернёмся к этой теме.

Пока же мы заняты простыми хлопотами – готовим ужин, кормим Белянку и готовим местечко для неё с Громом. Оставлять их на улице, конечно же, не будем. Поэтому пол в коридорчике перед кухней, мы застилаем старыми тряпками. Элис ставит ведро с водой, чтобы коза ночью могла напиться.

После идём на улицу – ужинать и пить чай. Пока я отлёживалась, малышка успела полить розы и сейчас они выглядят так, будто благодарны, что за воду, что за солнце, которого им не доставалось.

Элис, насытившись, прижимается ко мне и тихо спрашивает:

– Это из-за меня?

Ну, вот, я так и знала, что она примется себя винить.

Грустно улыбаюсь:

– Не из-за тебя. Просто… Этот разговор должен был случится и он случится, я знала на что иду.

Не верит мне. Вздыхает совсем по-взрослому и ненадолго замолкает.

Природа медленно отходит ко сну и, в отличие от той же столицы, здесь наступает настоящая тишина. Мирная и желанная.

Элис ворочается, не выдерживает:

– Расскажи мне о маме, – просит осторожно, и тут же спохватывается, – только то, что ты рассказать можешь. Чтобы… – запинается, – чтобы тебе не стало плохо.

И я рассказываю. О наших проделках, которые случались даже в доме мадам Жозель, где из нас с усердием выбивали всю дурь. О времени, когда мы с Эмили ещё верили в удачу и долгожданное счастье, когда не нужно беспокоится о будущем, о котором за нас побеспокоится кто-то другой.

Мне было что вспомнить. На самом деле, хорошего, действительно, было много. Нас учили и о нас заботились. Кормили и одевали. Не били и не издевались. Им нужны были чистые, светлые «сосуды», с устойчивой психикой. Так нам говорила учительница по этикету. Мы её не понимали и просто радовались.

Я говорю много и с охотой. Но в какой-то момент слова заканчиваются, и я прошу:

– Идём спать. Завтра у нас много дел.

Элис соглашается. Я вижу в её глазах слёзы, но помимо них, на губах девочки счастливая улыбка. Она будто заново знакомится с мамой, не с той измученной женщиной, боящейся всего на свете, а с искренней девочкой, ещё умеющей улыбаться.

Просыпаюсь с рассветом и мне легко. Что на душе, что телу. Ничего не напоминает о вчерашней слабости и изматывающем разговоре.

Встаю тихонько и иду на кухню. Ночью Элис ни разу не просыпалась, да и Белянка, измученная родами и новыми для неё материнскими обязанностями, не шалила, а тихонько спала в отведённом для неё и Грома уголке.

Козлёнок, завидев меня, неуклюже припадает на передние ножки, смешно оттопыривая зад и виляя коротким хвостиком, прямо как собака. Блеет громко, под стать своему имени, за что тут же получает тычок в бок от матери. Оглядывается на неё, обиженно сопит, но повторяет уже тише:

– Ме-е-е.

Присаживаюсь рядом с ним, глажу между смешных обвисших ушей и спрашиваю:

– И как вам спалось?

Конечно, он не отвечает, забавно склоняя голову набок – слушает мой голос. А вот Белянка, поднимаясь и встряхиваясь, важно произносит:

– Ме-ме!

Всё с вами ясно. Осторожно глажу новоявленную мамочку, и что удивительно, она эдакой вольности вовсе не чурается, напротив, довольно щурит глаза. Похоже, мы вполне сможем быть хорошими друзьями.

Иду на кухню в сопровождении уже двоих подопечных, присаживаюсь к столу и смотрю в окно. Надо бы посчитать те средства, что у нас имеются и, исходя из цен, определиться, на сколько нам их хватит.

Не откладываю дело в долгий ящик. Иду к шкафчику, где спрятала монеты и заодно беру бумаги, оставленные Зариной – надо ознакомиться с дарственной.

Радует, что с завещанием всё в порядке. Всё чин по чину – и даты проставлены, и подписи и дом указан, в дар передающийся. С документами я умела обращаться. Этому нас тоже научили, потому что перед каждым выходом в свет мы подписывали договоры – мадам Жозель уж очень не любила, когда ломали её куколок, и пыталась обезопасить нас таким образом.

Бумаги откладываю в сторону и принимаюсь считать монеты. Сотня золотом и пятьдесят серебром. Не густо, тем более, если учесть, что в прошлый раз мы потратили десять золотых. Естественно, что муки и круп нам хватит надолго, а вот мясо, что так необходимо Элис, и молоко, и яйца, и другие мелочи… Вещи, опять же. С собой мы привезли лишь самое необходимое, при том совершенно не рассчитанное на прохладные вечера, и если себе, опять же, я могу подобрать что-то из вещей Зарины, то Элис…

Тяжело вздыхаю и смотрю в окно. Это я ещё не знаю, сколько нам придётся прожить здесь. Вот бы придумать что-то, что могло бы приносить нам прибыль.

Перевожу взгляд на Белянку и с грустной улыбкой говорю:

– Да уж, как бы не было прискорбно это признавать, а Криспиан прав – сложно нам придётся.

Коза возводит глаза к потолку и фырчит недовольно, вот только выразить свои чувства не успевает. Мы слышим с ней робкий стук, а после ещё один. Спешно прибираю монеты и прячу их на полочке, за пустой жестяной баночкой.

Неужели Криспиан решил поработать в такую рань? И чего ему дома не сидится? Вчера же я ясно дала понять, что не намерена удовлетворять его любопытство, и уж тем более не намерена просить помощи. Достаточно того, что он сам приходит и помогает, и… заботится, и… вообще.

Вдруг становится стыдно. Это же получается, что я неблагодарная нахалка? Человек тратит силы, собственное время, а я…

Из дома выхожу с твёрдым намерением прояснить некоторые моменты, и, возможно, даже извиниться за свою резкость, но подходя ближе, по звуку понимаю, что что-то не так. Если вчера топор в руках Криспиана издавал монотонный стук, то сейчас стук ломается, застывает, кажется неуверенным.

Захожу за угол и вижу с топором в руках вовсе не Криспиана, а Юджина – забавного мальчика, считающего себя взрослым. Он вскидывает рукоять, ловит равновесие, прицеливается, но когда опускает топор, бревно не разлетается на две части, как это получалось у Криса. Топор вовсе застревает в древесине и чтобы его вытащить, мальчишке приходится упереться одной рукой в бревно.

Он дёргает его раз, другой, третий, после же теряет равновесие и шлёпается на землю, при этом болезненно вскрикнув:

– Ай!

Забываю про всё на свете и бегу к нему. Топор остался у него в руках, и он мог распороть себе ногу, или руку, или…

Падаю перед ним на колени, осматриваю. Вроде бы цел, крови нет. Встречаюсь с ним взглядом, и его лицо заливается краской. Он смущён и не знает, куда себя деть. Пытаюсь разрядить обстановку:

– Доброе утро, Юджин! Не ушибся?

Он проводит рукавом под носом, и от этого беззащитного, детсвого жеста, становится его ещё жальче. Но если покажу ему свои чувства – покраснее больше. Поэтому поднимаюсь и подаю ему руку. Смотрит на неё, видимо решая, насколько невежливым будет его отказ, после же вздыхает и принимает помощь.

– Доброе утро, – бурчит себе под нос. Переводит взгляд на не расколотое бревно и зло сводит брови, будто это деревяшка виновата в его неприглядном положении.

С трудом сдерживаю улыбку и спрашиваю:

– А что ты здесь?

Опускает топор, рассеянно ерошит волосы и машет в сторону:

– Да телегу пришёл забрать, и эта, увидал дрова. Подумал, что и с этим смогу помочь.

К концу фразы голос его становится совсем тихим, так что я лишь догадываюсь, каких усилий ему стоит держать лицо.

Смотрю на пару поленьев, которые он разбил, потом на него. Вздыхаю:

– Пойдём, – тяну за рукав, чтобы он не подумал сбежать, – я лучше накормлю тебя завтраком.

Глава 17

Элис спит и не просыпается, даже когда мы входим на кухню и тихонько переговариваемся между собой. Белянка да и Гром крутятся тут же, пихая везде свои любопытные носы. И если у козы это получается даже с некоторым пиететом, то действия малыша совершенно беспардонны и безумно неуклюжи. Ножки всё ещё не очень ему подчиняются, и порой живут собственной жизнью.

– Что любишь? – спрашиваю, ловя рассеянный взгляд мальчишки.

Сегодня на нём всё та же рубаха и те же штаны с заштопанной кое-как штаниной. Но вещи чистые – от них пахнет мылом и совсем немного потом.

Юджин замирает, прищуривается и смотрит на меня, будто я чудище какое, неизвестное природе. Тушуется и ведёт широкими плечами:

– Да всё, что можно съесть.

Хороший ответ. Практичный.

Хмыкаю и застываю на несколько секунд. Думаю. Разочарованно вздыхаю – и почему я не догадалась купить молока? Сейчас бы можно было и кашу сварить, и блинчики развести, или оладья какие-нибудь.

Единственный вариант – омлет. Берусь готовить его.

Чтобы Юджин не сидел без дела и не чувствовал неловкость, привлекаю его к труду. Вручаю разбитые яйца и велю хорошенько взбить. Не отказывается, напротив, с энтузиазмом принимается за работу. От усердия прикусывает кончик языка и кажется в этом момент таким милым, и совершенно не взрослым. Смотрю на него несколько долгих секунд – массивная шея, острые, угловатые даже скулы, губы и мелкий пушок над ними. Поднимаюсь выше и понимаю, что что-то не так. С правой стороны, прямо под глазом у него слегка припухшая кожа, сквозь которую проглядывается синева.

Промолчать не получается. Осторожно трогаю его за руку и, указав на проблему, спрашиваю:

– Это откуда у тебя? – точно уверена, что при прошлой нашей встрече этого «украшения» у него ну было.

Юджин теряется, на щеках появляется едва заметный румянец. Потом качает головой и с наигранной весёлостью выдаёт:

– Так батя за телегу всыпал, – а заметив ужас в моих глазах, тут же оправдывается, – да вы это, не надо так. Он жеж прав, за дело дал. Я виноват.

И так это просто и бесхитростно, что мне становится тяжелее. Но… что я могу? Пойти и сказать его отцу, что это моя вина, и чтобы он больше не смел поднимать руку на сына? Нет у меня таких прав, да и знаю я, что заступничество порой играет худшую роль, чем отсутствие оного.

– И, – запинаюсь, пытаясь избавиться от жалости во взгляде, потому что мне кажется, что этой жалостью я его обижу, – часто он тебя?

Стараюсь, чтобы голос звучал спокойно, без лишних эмоций, но понимаю, что с задачей этой не справляюсь.

Юджин хмыкает, совершенно беззлобно и говорит:

– Да нет, говорю ж, только за дело.

За дело… Знаю я, как это бывает.

И воспоминания, крепко запертые в самом дальнем ящике моей души, настойчиво стучат, пытаясь выбраться на свет. Но – нет! Этого не было и воспоминания эти – ложь.

Юджин возвращается к взбиванию яиц, я же нарезаю овощи, потом мясо, которое мы варили для супа. Знаю, что мальчишка не наестся одним лишь омлетом, а мне не жалко, даже несмотря на незавидное финансовое положение.

Хочу пойти за дровами, чтобы разжечь печь, но мальчишка меня опережает, возвращает миску с хорошо взбитыми яйцами, сам же идёт за дом, решая не трогать дрова, занесённые в сенцы. На мой вопрос, зачем ходил далеко, когда есть вот тут, под носом, он отмахивается:

– Эти пусть лежат, чтобы вам потом далеко не ходить. А я не развалюсь.

Эх… Хороший он всё же малый.

Когда выливаю на разогретую сковороду скворчащую массу, в кухню заходит Элис. Сонная и невероятно милая. Улыбаюсь ей, желаю доброго утра, и девочка отвечает даже, а потом замечает нашего гостя и от удивления распахивает глаза. С недоумением осматриваю её, замечая яркий румянец, перевожу взгляд на Юджина, и, кто мы мог подумать? Вижу точно такой же румянец на лице и искры во взгляде.

Немного нервно выдыхаю. И даже не представляю, что мне делать с обрушившимся на меня пониманием.

Спустя пару секунд решаю, что происходящее мне вовсе неподвластно. Пусть всё идёт своим чередом. Может быть, это даже к лучшему.

Решаю прервать неловкую паузу:

– Итак, давайте уже к столу!

Элис, конечно же, сбегает. Ей нужно привести себя в порядок. Юджина же, словно подменили – мальчик садится на стул и замыкается. Кажется, даже смотрит куда-то сквозь меня.

Эх, вот и что мне с ними делать?

Завтрак проходит в напряжённой обстановке и только одному из нашей компании нет дела ни до сердечных терзаний, ни до моих переживаний по этому поводу. Гром носится по кухня, то и дело натыкаясь то на ножки табуретов, то на углы шкафчиков, то вовсе на печь. За последнюю ему влетело от матери – она подошла к нему и принялась что-то очень настойчиво втолковывать.

Со стороны это выглядело очень комично, так что и Юджин, и Элис расплываются в умилительных улыбках. Я тоже не сдерживаюсь, улыбаюсь. И гнетущая атмосфера понемногу рассеивается, оставляя позади неловкость.

После завтрака Юджин сбегает, но обещает вернуться чуть позже. Мы же остаёмся одни. Дел много, и мы, не желая откладывать их в дальний ящик, засучиваем рукава. Сначала возимся с обедом и делаем нехитрые заготовки к ужину, потом выходим в палисадник и окончательно избавляем его от настырных сорняков. После идём на речку, стираем вещи и развешиваем их на растянутых верёвках.

Но как бы мы не были заняты, я то и дело посматриваю на калитку в ожидании… Чего? Этого я сама не знаю, пока вдруг не обрушивается понимание, что жду я именно Криспиана.

От этой мысли даже чашку роняю, которую держу в руках. Хорошо, что она пуста.

– Что такое? – пугается Элис, но я лишь отрицательно качаю головой.

Это что же получается? Я так жаждала избавиться от любого мужского внимания, сама же теперь желаю совсем иного?

Безумие какое-то.

– Всё хорошо, – растягиваю одеревеневшие губы в улыбку, чтобы успокоить Элис. Но она не верит, смотрит на меня с подозрением, правда, с расспросами больше не пристаёт.

Я же пытаюсь разобраться в себе. И не нахожу ни одного внятного объяснения совему поведению.

Криспиан чужак. И совсем не так прост, каким хочет казаться. А ещё порой невозможный хам. И провокатор. Но… Я вдруг понимаю, что когда он рядом, во мне слегка гаснет желание

бежать и прятаться в нору. С ним я могу показать зубки, не боясь, что он съест меня в ответ. Нет, уверенности у меня такой нет, но вот чутьё… Его же не обманешь?

Продолжаю крутиться на кухни и между делом слышу, как скрипит калитка. Бегу к окну и… Вижу Юджина.

– Снова здрасте, – весело выдаёт он, входя в дом, после короткого стука и моего разрешения.

– Здравствуй, – улыбаюсь ему.

Мимолётное разочарование уже прошло. И я вновь расслаблена и спокойна. Ещё и мысли глупые стоит выкинуть из головы, чтобы неповадно было думать о… всяком.

– А я тут эта, спросить хочу, – мальчишка ерошит свои непослушные волосы. – Вам молока не надо? Просто у меня соседка продаёт. Вкусное.

На последнем слове он мечтательно прикрывает глаза.

– Надо, – киваю с улыбкой. Ему нравится мой ответ, и Юджин довольно жмурится:

– Хорошо. Я вам могу его сам приносить. Каждое утро!

Не сдерживаюсь, тихо смеюсь.

– Замечательно, – подхожу и привстаю на носочки, чтобы привести его вихры в порядок. Он смущается от этого жеста, по лицу расплывается румянец, но руку мою не отталкивает. Будто бы даже задерживает дыхание, боясь меня спугнуть.

– Беги, – вздыхаю, – помоги Элис. Она пошла к реке за водой.

Больше ничего не спрашивая, он убегает, я же, продолжая улыбаться, качаю головой.

Глава 18

Следующие три дня проходят мирно. Без происшествий и напряжённых ситуаций. Юджин появляется на пороге нашего дома каждое утро, приносит молоко. Что удивительно, встречаю его не я – встречает его Элис. Специально ради этого малышка просыпается пораньше, приводит себя в порядок, репетирует, пока я не вижу, перед мутным зеркалом идеальное для леди выражение лица. И беззвучно шевелит губами, будто ещё и речь подготавливает.

Поначалу я хочу с ней поговорить. Напомнить, что наше пребывание здесь не будет долгим. Хочу, но отметаю эту идею. У девочки так мало поводов для простых радостей, что я просто не решаюсь омрачить ещё и её первые чувства.

Гром за эти дни значительно набрал веса, так что если смотреть на него со спины, то он очень похож на бочонок с ножками. Комичный и хулиганистый. Но Белянка с него глаз не сводит, следит.

И Гром, и Белянка неотступно ходят за детьми. Первый, потому что ему было всё до ужаса любопытно, вторая – будто бы считала, что без её догляда с Элис может что-то случится. Я ничему не противлюсь и довольна, что коза не позабыла данного мне обещания. Радуюсь каждому дню и уже почти не смотрю на калитку, не жду. Почти…

Убеждаю себя, что так даже лучше. И привожу достойные доводы, но все они рассыпаются, стоит скрипнуть несмазанным петлям. Странные ощущения, чужие будто и до конца мной не понятые.

Живя в доме мадам, конечно же, мы обсуждали аристократов, заглядывающих к нам. Влюблялись, тешили несбыточные мысли. Некоторые из них были весьма красивыми, но всё ломалась, когда мы знакомились с ними «изнутри». Криспиан же… Не пытался бахвалится внешностью, напротив, относился к ней даже с некоторой ленцой и пренебрежением, а вот поступки… Поступки «говорили» куда больше красоты.

Чтобы занять себя хоть чем-то, помимо прополки участка и привычных рутинных дел, я беру с полок пушистую пряжу, что осталась после Зарины. Она учила меня и руки не с первого раза, но вспоминают бесхитростные движение.

Взмах крючком, один, другой… Появляется неровная цепочка. Ещё взмах и ещё. Петли наслаиваются друг на друга, вырисовывается небольшая полоска, потом она становится шире.

Зарина вязала чудесные пуховые платки, я же не вяжу ничего. Просто вспоминаю, пытаясь отточить технику. К третьему дню мои изыскания увенчиваются успехом. Гордо разворачиваю на свет приличное полотно и вздыхаю. Эх, если бы я умела вязать, как Зарина, то может быть эти изделия и стали бы приносить нам небольшие деньги.

А если…

Мысль, изначальна показавшаяся глупость, вдруг обретает реальные очертания. И вот уже я мечтаю о том, как свяжу с десяток платков, как продам их, как научу Элис тому же, как она будет помогать мне…

Мечты несут далеко, пока не натыкаются на преграду. Весьма ощутимую.

Неподалёку, прислонившись плечом к стене дома, стоит Криспиан. На губах его блуждает ленивая улыбка, а глаза… Глаза горят азартом.

Последняя деталь кажется настораживающей. Я и настораживаюсь, но виду стараюсь не подавать.

– Неплохо, – кивает он мой «шедевр».

И я, рдея, словно юная девица, опускаю ресницы и выдыхаю:

– Благодарю!

Молчим. Мне почему-то кажется, что ему так же неловко, как и мне. Или нет, и я себе это только придумала?

В любом случае, тишина между нами с каждым мгновением становится всё тяжелее, но я так и не нахожу слов, чтобы начать разговор. Связные мысли будто разбежались кто куда. Это странно и чуточку неприятно. Положение спасают дети. Юджин с Элис были у реки, а сейчас вернулись.

– Здрасте, – с довольной улыбкой басит мальчишка и протягивает руку.

Я наблюдаю за ними исподлобья и не решаюсь посмотреть в открытую. Хотя, чего уж в этом зазорного? Не может же он по моим глазам догадаться, что я ждала его всё это время? Или может?

– Привет, малой, – Криспиан тянет руку в ответ и улыбается, переводя взгляд на Элис, – и ты здравствуй, красавица.

Малышка опускает голову и исполняет идеальный реверанс. Криспиан усмехается, потом опять смотрит на меня. Явно хочет что-то сказать. И мне его настрой не нравится. Как и взгляд – слишком пытливый, заинтересованный.

– Ребята, – смотрю на детей. – Не могли бы вы погулять, нам нужно поговорить.

В глазах Элис появляется страх, тот самый, который почти было пропал из-за присутствия Юджина. И я улыбаюсь, чтобы она поняла – опасности нет. Всё хорошо.

Малышка не верит, хмурится, но… Берёт мальчишку за руку и уводит его. Мы остаёмся наедине. Криспиан не спешит мне помогать. Вновь подходит к дому и прислоняется плечом к стене.

День клонится к вечеру. Солнце медленно ползёт к горизонту, но всё ещё греет своими ласковыми лучами.

– Лихо вы тут, – мужчина машет на расчищенный и приведённый в порядок участок, – похозяйничали.

– Мы старались, – отвечаю сдержанно. Откладываю вязание, опускаю руки на колени и спрашиваю: – Вы хотели о чём-то поговорить?

Его брови удивлённо дёргаются вверх, вот только удивление это напускное, лживое.

– С чего вы взяли? – голос под стать взгляду – полон наигранного недоумения.

Я эти игры на люблю.

Веду плечами и морщусь:

– Бросьте, я по глазам вижу, что вы пришли не просто так. Ведь пропадали же где-то три дня.

Для чего я говорю последние слова вслух, ума не приложу. Да только сказанного не вернуть.

Криспиан, кажется, слышит только последнюю реплику. Усмехается и чуть подаётся вперёд:

– Значит, вы ждали меня всё это время?

Стоит только возвести человека на пьедестал, как он искусно сам себя оттуда свергает. За те дни, когда он отсутствовал, я успеваю подзабыть, каким невыносимым он может быть. Вот, напоминает.

Поднимаюсь со скамьи, выпрямляя спину. Прямо смотрю ему в глаза, чтобы он не подумал расценить моё поведение, как флирт:

– Я всего лишь хочу знать, зачем вы снова пришли. Как видите, мы и без вас неплохо справились.

Снова неправильные слова. Не нужно было этого говорить, но… Да, поздно сожалеть.

Его взгляд леденеет. Он сжимает губы в тонкую линию.

– Любопытство, знаете ли, – отвешивает шутовской поклон. Движения рваные, руки сжаты в кулаки. Он злится, и я… тоже.

Выдыхаю. Поправляю растрепавшиеся волосы:

– Я же сказала вам, что не собираюсь удовлетворять ваше любопытство. Думаете, за эти дни что-то поменялось?

– Возможно, – Криспиан пожимает плечами. Взмах кистью и передо мной появляется газета. Пахнущая свежей типографической краской. – Вот здесь, – он раскрывает нужную страницу, – пишут о том, что в одном весьма влиятельном доме произошла трагедия. Няня похитила внучку хозяина. И знаете, что самое интересное? Описание женщины и девочки мне очень напомнило… вас…

Мир, такой красивый и спокойный, к которому я успела привыкнуть за это короткое время, схлопывается. И я почти ничего перед собой не вижу. Пульс грохочет в ушах с такой силой, что и звуки уходят на второй план. А после я, кажется, куда-то лечу. И полёт этот не заканчивается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.